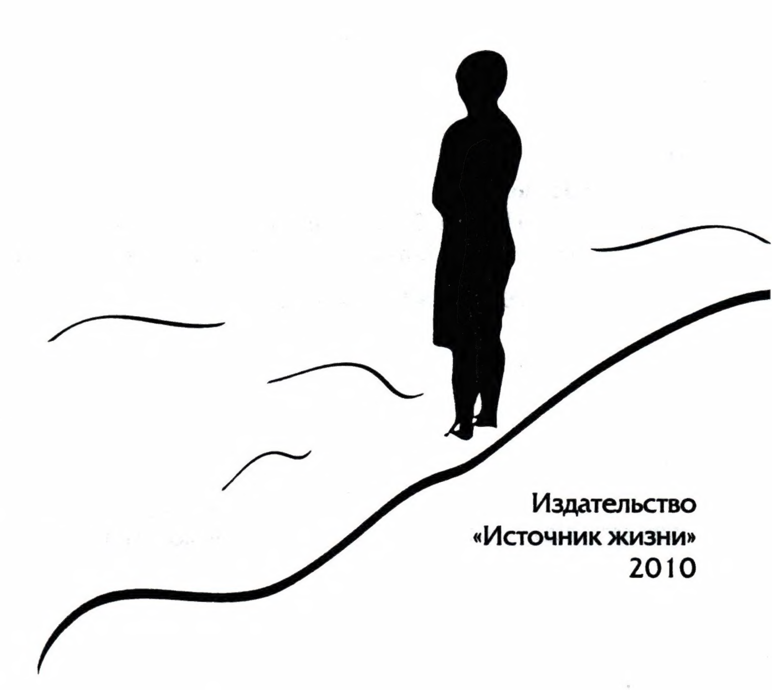
НАТАЛЬЯ **ЩЕГЛОВА**

НА ТОМ **БЕРЕГУ** ВРЕМЕН

НАТАЛЬЯ **ЩЕГЛОВА**

НА ТОМ **БЕРЕГУ** ВРЕМЕН

Издательство
«Источник жизни»
2010

УДК 821.161.1
ББК 84Р-5
Щ32

Щеглова Н.

Щ32 На том берегу времен : Сборник стихотворений. — Изд. 2-е. — Заокский: «Источник жизни», 2010. — 192 с.

ISBN 978-5-86847-728-7

УДК 23/28
ББК 86.37

ISBN 978-5-86847-728-7

Содержание

Русь . . . 9
Музыка снега . . . 11
Крылья . . . 12

КНИГА СКОРБИ

ИЗ ЦИКЛА «СПЕКТР ЧЕРНОГО»

Пройдя сквозь униженье . . . 14
Первая осень . . . 15
Доколе дети на земле . . . 16
В больничном темном коридоре . . . 17
Вавилон . . . 19
Мы во вражде теряем образ Божий . . . 20
Богородица . . . 21
Баллада о младенцах . . . 22
Благодарность . . . 24
Свобода дорого дается… . . . 25

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕПРОЗОРИЙ»

Наша Земля — лепрозорий вселенной . . . 26
Евангелие . . . 27
Черная быль . . . 28
Я, сотворенный быть . . . 30
Разбиты водоемы душ . . . 31

Неповторимый и прекрасный 32
Не отмоет с кровавых полотнищ 33
Будь проклята война навеки 34
Сибирь 35
Я иду половодьем монголо-татарского плена 37

ИЗ ЦИКЛА «SOS»

Осень 39
Исповедь Магдалины 40
Исповедь 41
Боже мой, Отче мой 42
Парадные двери фортуны-затейницы 43
Молва 44
Если рушится на землю небо 45
Твой взгляд в душе, как след ожога... 46
Детдом 47
Воплощенье 48

КНИГА УТЕШЕНИЯ

ИЗ ЦИКЛА «ПЛАЧ МАРИИ»

Не видя озабоченных людей 50
Назаретский колодец 51
В эту ночь торжественно и чутко 53
Колыбельная 54
В Египте 55
Была зима, и отрок Иисус 56
Геннисарет задумчив и печален 59
Суд 60
Плач Давида 61
Совершилось 63

Погребальная песнь 64
Мироносицы 66

ИЗ ЦИКЛА «ШАГИ ВЕСНЫ И ВЗДОХИ ОСЕНИ»

Плывут года, как плыли до меня 67
Привыкли мы всегда бежать 68
Счастье 69
Единение 70
Возле музыки, как у костра 71
Тихо пали туманы по окрестным лесам 72
Пусть тебе приснится утро в поле 73
Любимый, думай обо мне 74
Как просто от случайной ссоры 75
Прощание 76
Свечи зажгите из пихт и осин 77
Загляни в глаза мои поглубже 78
Разломи мое сердце на части 79
А родина — обычная до боли 80
Зажгу свечу и, глядя в пламя 81
Выйдем к лесу в снега 82
Не уходи из жизни, пожалуйста 83
Доживу до последней стужи 84

ИЗ ЦИКЛА «ЗЕМНЫЕ СНЫ»

Нарциссы 85
Сотворчество 88
Белые стихи 89
Как-то ангелов хор 90
Вторая скрипка 91
Пушкин 92
Мне объясняло время 93
Палех 94

Мы на дне космического моря 95
Мне любовь твоя, что огонь в холода 96
Пишут стихи поэты 97
В чулане памяти, где пылью 99

КНИГА МУДРОСТИ

ИЗ ЦИКЛА «ПУСТЫНЯ»

Бог учит в пустыне 102
Египетский раб 103
Остров 106
Ты меня бережешь от зноя 107
Выбор 108
Дерзновение 109
Только Библия 111
Страх тесен, душен, темен 112
Твой взгляд меня зовет 113
Я не требую милости 114
Муки выпиты, слезы сдержаны 115
Мне сладко все: и горе, и печаль 116

ИЗ ЦИКЛА «ПАНТЕОН СОЛОМОНА»

Знакомимся с людьми посмертно 117
Все реки впадают в море 118
Незримое Духа святилище 119
В плену идей красивых и никчемных 120
Я мудрость ждал 121
Екклесиаст 122
Как изуродованный ритм 123
Прихоть 124
Ристалище 126

Еврейский мотив 128
Песня песней 129
Время сердца надежды обманет 133
Очаруй, о Тора святая 134
Словно травы, шелестят слова... 135
Огненная колесница солнца 136

КНИГА ЖИЗНИ

ИЗ ЦИКЛА «СУЩИЙ — ИМЯ ЕМУ»
Приручите дикую лозу 138
Когда Его любовь мощней стихии 139
Рабы 140
Как труден мне язык 141
Разрушение Иерусалима 142
Жив Адонай 143
Мы, вслушиваясь в имя Божье 144

ИЗ ЦИКЛА «СОЛНЦЕ ПРАВДЫ»
Гармония 145
Кто на белом свете знает 146
Капризно плакал саксофон 147
Мы вырастем из этих ползунков 148
Последняя притча Исаии 149
Сын Божий плакал, сидя на осле 151
Непостижимые красоты 152

ИЗ ЦИКЛА «ХРАМ ВРЕМЕНИ»
Первая суббота 153
Под шелест снега, ветра шум 154
Наша жизнь — это зал ожиданья 155

Стену гордости моей разрушив 156
Преображение 157
Мы живем в мире точных знаний 158
Когда порой венец терновый 159
Суббота — душу наполнил мир 160
Новогодние сны 161
Никогда не забудется детство: 162
Пусть солнце вас согреет. 163
Венок 164
Улыбка — запечатанный конверт 165
Последний взгляд, как горький луч 166
Суббота 167
Под танец трепетный свечей 171
Хризантемы 172
Сердце в скорлупе, в коре шершавой 173
Мера 174
Пусть порой светло, порою мрачно 175
Ева 176
Хор ангелов 177

ИЗ ЦИКЛА «ПРЕОДОЛЕНИЕ»

Самое несложное — порвать 178
Есть в каждом сердце Вифлеем и Канна 179
Молитва 180
Ковчег Завета 181
Кровавые слезы заката 182
Сквозь тернии к звездам 183
Разбей безысходность верой 184

Русь

Босоногая,
по распутице,
Спутав косы густых берез,
Словно блудная
дочь-отступница,
Ты куда, моя Русь,
идешь?
Пусть ты бредишь
безумьем новым,
Пусть ладони твои в крови,
Слышишь —
небо в венце терновом
Признается тебе в любви?
Ты судила и ненавидела,
И, святыни свои распнув,
Поклонялась
бездушным идолам,
Небо флагами зачеркнув.
Лжепророками обольщенная,
Продавая себя за грош,
Обнищавшая,
разоренная
В неизведанное идешь
Сквозь года,
облачившись скудостью,

Сединой на висках зола,
По твоей белоцерквенной юности
Плачут медью
колокола.
Синерекая,
светлоликая,
Не тебя ль
с голубых высот
Журавлей безутешных криками
Вечность распятая
зовет?
Пусть поругана,
пусть преступница,
Пусть отрекшаяся себя,
Русь-безбожница,
Русь-отступница,
Вечный Бог не забыл тебя!

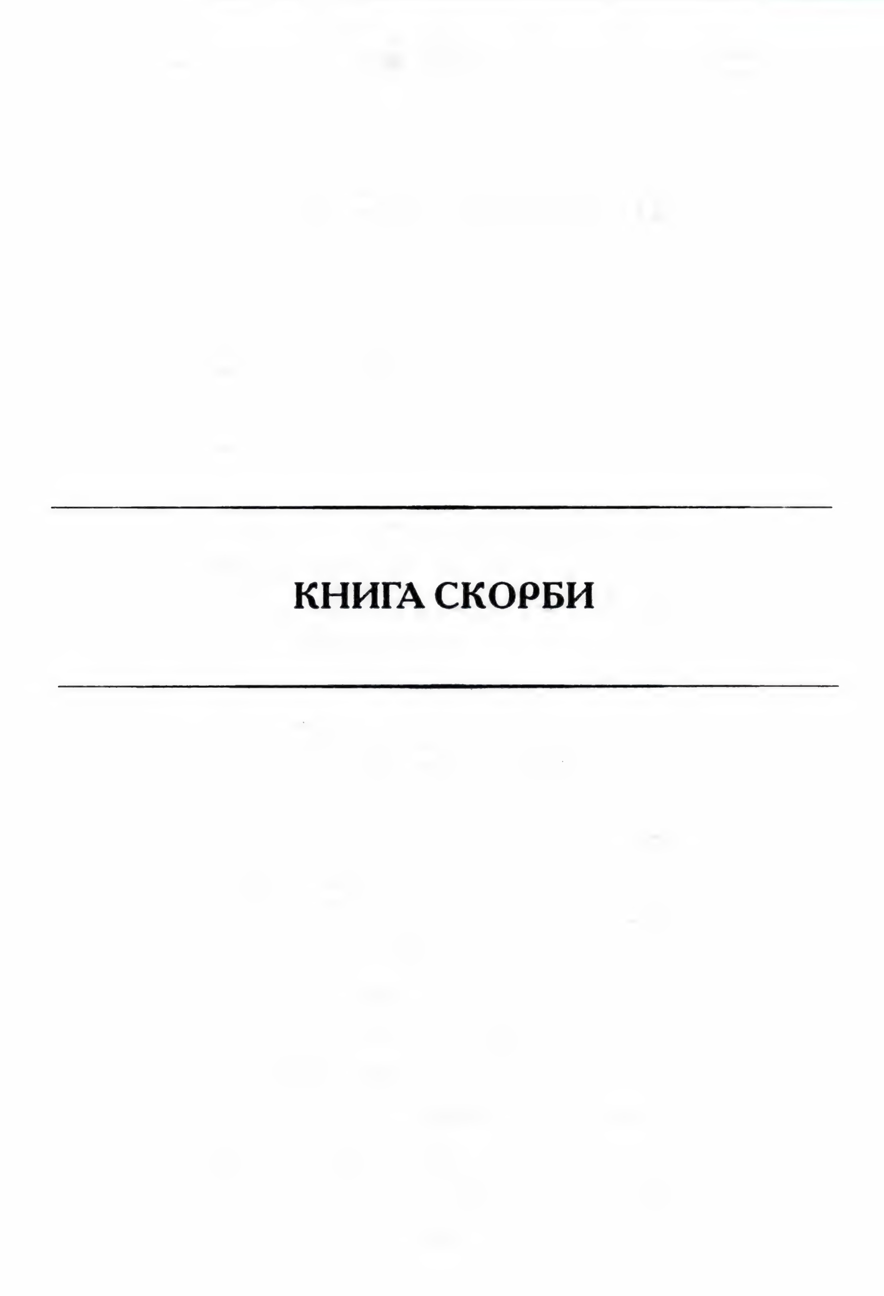
Музыка снега

Ты прислушайся к музыке снега,
Душу ввысь запрокинь и замри,
Слышишь — небо летит
                        и с разбегу
Исчезает у самой земли.
Слышишь — плачут
                безмолвные скрипки,
И целуют меня небеса
Отрешенно, неверно и зыбко
И в чело,
        и в уста,
                и в глаза.
Пусть ослабнут
                оковы реальности,
Пусть
        снежинки касаются век,
В самой светлой и чистой тональности
Оглушительно
                падает снег.

Крылья

Живем, скользя по осыпям идей,
Питаясь прахом горьких заблуждений,
И с каждым поколеньем все сложней
Понять реальность вечных откровений,
И с каждым поколеньем все трудней
Подняться до небесных категорий,
Нам тлен земной привычней и родней,
Пропитанный насквозь нуждой и горем.
Мы веру обратили в пустоту,
Не верим ни Всевышнему, ни людям,
И сердце потеряло высоту,
Легло в болотный мох суетных буден.
Но верит небо, что, устав от тьмы,
Однажды, пусть ничтожно малой мерой,
Наперекор неверью примем мы
Зерно горчичное — утраченную веру.
Наследник мглы и нравственных разрух
Одетый ложью, как дорожной пылью,
Рожденный ползать наш убогий дух
Посредством веры обретает крылья.

КНИГА СКОРБИ

Из цикла «Спектр черного»

***

«...Будете, как боги,
знающие добро и зло...»
Бытие 3:5

Пройдя сквозь униженье
в жерло горя,
Вброд перейдя зла
и насилья море,
Вкусив стыда, презренья,
отверженья,
Познав и ненависть, и боль,
и омерзенье,
Ты потеряешь все,
но обретешь прозренье.
Ты станешь зрячим,
чтоб тебе открылось,
Как предают и распинают милость,
Как рвут любви святой
и чистой узы...
Ты купишь знание,
преодолеешь узость,
И гамму черного
разбитым сердцем
узришь...

Первая осень

Низко птицей раненой лето
Тяжело летело в поля,
Где усталым солнцем согрета
Безнадежно блекла земля,
И разбитые крылья птицы,
На лету изменяя цвет,
На зеленых ладонях листьев
Оставляли кровавый след.
Умирало первое лето,
Но такой Адаму тогда
Представлялась кончина света,
И казалось, что навсегда
Погибают цветы и травы,
Что осин занемогших озноб,
Словно привкус смертной отравы,
Все сильней, надеждам назло.
Он глядел в холодную просинь,
И сквозь боль, тревогу и страх,
Неуютное слово «осень»
Родилось на его устах...
Снова лес желтизною тронут
И декабрьские вьюги близки,
В нас, адамовых детях, стонут
Отголоски его тоски.

***

Доколе дети на земле —
Не гаснет свет
в лампадах наших.
Доколе дети на земле —
Мы сеем хлеб и землю пашем.
Доколе дети на земле —
Живем и боремся со смертью.
Доколе дети на земле —
Есть смысл надеяться, поверьте.
Доколе есть дитя и мать —
Любви не пересохнут реки,
Есть смысл творить и созидать,
Как будто жить не век,
а веки.
Когда мадонна кормит грудью,
На холст ложатся краски густо,
Когда мадонна кормит грудью,
Живет высокое искусство.
И побеждает в нас добро,
И воскресает вера в Бога,
От смеха детского светло,
От плача детского — тревога.
И чище мутных чувств река,
И в джунглях жизни
с их законом
Ребенка слабая рука
Разит свирепого дракона.

(Эпилог из поэмы «Сказание о древнем змее»)

В больничном
темном коридоре,
Где воздух болями пропах,
Сидела Ева
в нимбе горя
С дебильным сыном
на руках.
Беспомощность
в халате белом
Сквозь безнадежности очки
На них
сурово и несмело
Глядела,
как глядят врачи.
А змей аптечный
у порога,
Сжав чашу мук в живом узле,
Шипел,
что мудрыми, как боги,
Рождаться стали
на земле,
Что наши гибнущие рощи
Вполне похожи на Едем
И что в подземном царстве мощей
Жилого места
хватит всем.

В психиатрических покоях
Чуть слышно
стрелки на часах
Считали маленьким изгоям
Их горьких весен
чудеса.
И дети те не разумели,
Что значит жизнь
и смерть,
и грех,
Что над безумным смехом змея
Голгофский крест
одержит верх.

Вавилон

Тяжелые ковчега двери
Остались в призрачной дали,
Дичали люди, словно звери,
И дрались за клочок земли.
Пьяны мечтой о жрице власти,
В узду коварства и вражды
Пороки самой черной масти
Вплетали с гордостью вожди.
Жизнь превращалась в мясорубку,
Где каждый честь продаст за грош,
И разбивалась правда хрупко
О стену каменную — ложь.
И потому — досадный случай —
Свершился странно Божий суд:
Язык живой, прекрасный, звучный
Разбился звонко, как сосуд.
И груды языков-осколков
Убогих, словно черепки,
Достались на века потомкам,
Слова в них, словно ярлыки,
Поблекли тонкие оттенки,
Исчезли сотни нужных фраз,
И даже мысли стали мелки,
Бескрылы и пусты подчас...
Так ангел Божий белокрыло
Сошел в те древние места
И положил печать бессилья
На богохульные уста.

***

Мы во вражде теряем образ Божий,
Неприязнь затянув тугим узлом,
И тщимся злом добра чуть-чуть умножить,
Забыв, что лишь любовь осилит зло.
Коль чувствуем, что бой идет за истину,
Готовы все с лица земли стереть,
Ревнуя зло, жестоко и неистово
О справедливости, о попранном добре.
Ломаем копья фраз, угроз, ругательств,
И некому бывает подсказать,
Что истина без наших доказательств
Сама себя сумеет доказать,
Что обретаем, отдавая даром,
Когда не копим гнева и обид,
Что если ты в отместку не ударил,
То в самой трудной битве победил.

Богородица

Все на свете идет как водится,
Время плавно в вечность течет...
Где-то девочка-богородица
Сына первенца тайно ждет.
И, не зная, что эра кончилась,
В неуютном темном хлеву
Богородица в муках корчится
На неровном стылом полу.
Мудрецы приносят дары ей,
И от счастья плачет звезда,
Богородица-мать, Мария,
Пеленает в яслях Христа...
Мглою туч небосвод запятнан,
— Сыне мой, я с тобой, я здесь!
Богородица сердцем распятым
Обнимает кровавый крест.

Баллада о младенцах

Может быть, по привычке
играли мальчишки в войну,
Было им в основном где-то в среднем за тридцать,
И следили болельщики, к синим экранам
прильнув,
Как играли они,
как под масками прятали лица.
Корабли были к бою готовы в затонах,
Заносила ревущую смерть
над людьми бирюза,
И хранители-ангелы
в черных от дыма хитонах
Уносили детей из-под бомб,
из-под пуль в небеса.
Расступалась земля, полыхали посевы и лес,
А ребята играть до последней победы решили,
И глядела мадонна с икон
и со страшных небес,
Как блестяще они избиенье младенцев вершили.
Били мальчики в цель, продолжая
обстрелы вести,
Малых братьев своих превратив,
как обычно,
в мишени,
И не знала мадонна,
в каком их Египте спасти,

И молилась Христу
о суде и о праведном мщенье.
Но спасай-не спасай — за Египтом последует крест...
Дрались взрослые дети,
вжимая всю ярость в педали,
Словно Ирод, сам дьявол,
однажды ниспавший с небес,
Аплодировал им
и дарил ордена и медали.

Благодарность

Гореть, страдать,
                    болеть борьбою,
Всю силу духа сжать в комок,
Дрожать натянутой стрелою,
Но не переступить
                    порог.
Почти забыть о всем заветном,
Но у соблазна на краю
Не протянуть руки
                    к запретному,
Как Ева некогда в раю,
И не вкусить
                    познанья ложного,
Смирив кипение в крови
Не просто ради страха Божьего,
Но ради Божией
                    любви.

***

Свобода дорого дается...
В традиций ветхий переплет,
В стекло предвзятости
полет
Крылатых душ
извечно бьется,
Все путы,
путы и границы,
Жизнь — бесконечная условность,
И люди прозябают,
словно
Слепые узники
в темнице.
Но в лабиринтах бытия
Разгадка, словно луч
в пещере,
Есть выход —
дерзновеньем веры
Преодолеть самих себя.

Из цикла «Лепрозорий»

***

Наша Земля — лепрозорий вселенной,
Стоны, как птицы, просятся в твердь...
Я облечен маловерьем и тленьем,
Я обречен на муки и смерть.
Кружит планеты больное тело
В пятнах неровных кровавых луж,
Здесь ангелы, словно медсестры в белом,
Заняты болями наших душ.
Здесь в лепрозории страшном рожденный,
В муках крещенный, крещенный во лжи,
Я не хочу умирать прокаженным,
Дайте мне средство выжить и жить!

Евангелие

В греха разверзшиеся недра
Ко всем, кто наг, и нищ, и слеп,
Сошел с небес бездонно щедрых
Высоких истин чистый хлеб.
Наш мир убогий озарила
И воскресила Бога в нас
Их исцеляющая сила,
Их возрождающая власть,
Их очевидность вопиющая
В непостижимой простоте,
Как немощь Бога всемогущего,
Растянутая на кресте.

Черная быль

Плачет поле несжатым хлебом,
Слезы-зерна роняя в пыль,
Плачет седое скорбное небо,
Дышит безмолвьем черная быль.

Черная быль...
Над равниною солнечной
Кружится вороном
Черная смерть,
Кто нам простит,
Что над детством безоблачным
Здесь надругался
Атомный смерч?

Серая пыль...
　　　　Белая боль...
　　　　　　　　　Белая боль...
　　　　　　　　　　　　　　Черная быль.

Наши дети землею стали,
Черной былью родной земли,
Не досказали, не домечтали,
Недолюбили, не доросли.
В спектре траурно-черной были
Рассыпается жизнь во прах.

Не от того ль, что мы Бога забыли
Атом стал смерчем в наших руках?

Серая пыль…
Белая боль…
Белая боль…
Черная быль.

***

Я, сотворенный быть
венцом прекрасного,
Жить радостно и искренно любя,
Рождаюсь ранить,
лгать,
губить напрасно,
Все попирая, утверждать себя.
А после,
растоптав в душе все лучшее,
Я чувствую, как держит сердце страх
И как надрывно душу
совесть мучает,
Запятнанная мной
в чужих слезах.

***

Разбиты водоемы душ,
Иссякло самое святое,
Остались только пятна луж
С банальным привкусом застоя.
Иссяк свет радости в сердцах,
И доброты в нас стало меньше,
Ползучей тиной липкий страх
Разросся в лабиринтах трещин.
Идут небесные дожди,
Как жаль, что благодать напрасна, —
Растрескавшись от мелкой лжи,
Душа бессильна и бесстрастна.
Могу лишь верить и дерзать,
Как тот расслабленный на ложе,
Меня способно воссоздать
Одно лишь чудо — чудо Божье.

***

Неповторимый
и прекрасный
Мы кропотливо
строим храм,
Не зная, как игра
опасна,
И что судьба готовит
нам.
Однажды хрупкие колонны
Чуть слышно дрогнут,
и тогда
Прекрасный свод
с коротким стоном
Всей массой рухнет
на тебя.
Он рухнет вдруг,
внезапно,
разом,
Когда, не взятая в расчет,
Диагональ последней
фразы
Былую дружбу
зачеркнет.

***

Не отмоет с кровавых полотнищ
Дождь багряные пятна вины…
Как претория, Красная площадь
На усталом лице страны.
Жгучим ветром немых проклятий
Горько выжжена здесь земля,
Вифлеемские звезды распяты
На высоких башнях Кремля.
Отче наш, за иудину плату
Вместе с жаждущей смерти толпой
Наши ироды и пилаты
Потешались здесь над Тобой:
«Бога нет! Мы творцы на планете!
Не боимся святой крови,
Мы и наши потомки в ответе
За деяния все! Распни!»
Вот и сбылись эти проклятья,
Отошла от нас благодать,
Исступленно враждуют братья,
Сыновей проклинает мать,
Стонет горько земля под нами,
Разоренная донага,
Рассыпаются прахом храмы,
Осенявшие нас века.
Мы распяли Тебя, Саваофе,
И не смеем на небо взглянуть.
Наш народ, возвращаясь с Голгофы,
Бьет себя в опустевшую грудь…

***

Будь проклята война
навеки,
И, отирая скорбь с лица,
Благословите мир, калеки,
Смирив разбитые сердца,
И матери,
в чьих взорах мука,
И сироты в пустых домах,
И нерожденные в разлуках,
И все,
кто выжил в лагерях.
А тех, кто ныне в мир родится, —
Да будут счастливы они —
Учите, матери, молиться:
«Храни нас, Боже,
от войны!»

Сибирь

Надгробий горестные строфы
В прах возвратившимся верны…
Сибирь — огромная Голгофа
Моей страны.
Между разбойниками истыми,
Кровавя землю или снег,
Распятья праведников чистых
Вершились здесь из века в век.
Их распинали в этих дебрях
Под волчий вой и плач пурги,
Всех увенчать — не хватит щедрых
Еловых терниев тайги.
Кресты на взгорьях и в долинах,
В лесах, на берегах крутых,
Всем вместе взятым Магдалинам
Не хватит слез оплакать их.
Здесь вечность, словно Матерь Божья,
Склонившись к каждому кресту,
Целует взрытые подножья,
Дожди струятся по лицу…
Но не на век могильный кратер
Печатью смерти утвердил
Жестокий дьявол — прокуратор
Над территорией Земли.
Не вечно быть в немом забвенье

Всем пленникам кончины злой —
Святое утро воскресенья
Готово вспыхнуть над Землей...
Над спящим миром кружат звезды,
И тянет к ним свои кресты
Сибирь — глотающая слезы
Голгофа матушки-Руси.

***

Я иду
половодьем монголо-татарского плена,
Я иду
пепелищем забытых потомками битв,
По колено в крови
и в слезах по колено,
Сквозь неистовый плач и сквозь шепот
горячих молитв.
Оглянись,
поколенье рожденных на новые муки,
Очи прежде усопших с надеждою смотрят на нас,
Из прошедших веков
тянут дети истлевшие руки
За растоптанным хлебом,
что мы попираем сейчас.
Я иду сквозь пустые ветра эпидемий,
Через ужасы тюрем, острогов и концлагерей,
Через битвы идей,
через дебри ошибочных мнений,
Сквозь ухмылки тиранов
и вечную скорбь матерей.
Я иду сквозь себя,
сквозь предательства,
слезы, разлуки,

Сквозь болезни и страх,
сквозь заклятья любимых имен,

Но из чистых высот тянет небо
пронзенные руки
К нам,
слепым прокаженным
грядущих и прежних времен.

Из цикла «SOS»

Осень

Сердце, словно огромный сад,
Он оставлен, он дик и пуст,
Здесь деревья отцветших чувств
Пожелтевшей листвой шелестят.
Заблудившись в дебрях кощунств,
Пробираясь сквозь плевелы лжи,
Я в пустом Эдеме души
Тщетно Божьи следы ищу.
С криком первых лебяжьих стай
С бесконечных млечных дорог
Возвратись, о, изгнанный Бог,
В мой заросший полынью рай.

Исповедь Магдалины

Устала боль глушить вином и перцем,
В густую неразбавленную ложь
Ронять свое едва живое сердце,
Не замечать презрения святош,
Пить воздух пересохшими губами,
Метаться в безысходном тупике
И душу в синяках, плевках и шрамах
Держать, как прежде, на сухом пайке.
Устала в очереди в рай быть крайней,
Жить грязной притчей на устах у всех,
Не вспыхивать при жгучем слове «тайна»,
Не вздрагивать при страшном слове «грех».
Устала в каждом взгляде видеть зверя,
Я в небо безмятежное кричу,
Что больше ни во что уже не верю,
Что даже вечной жизни не хочу!..

Исповедь

Победа над самим собой,
Высоты светлых озарений
И бездна всех благословений,
Мир полноводною рекой,
Безбрежной вечности века
Даны ценою упованья...
Как эти взять обетованья,
Коль веры коротка рука?

***

Боже мой, Отче мой,
Для чего Ты оставил меня?
Над моей головой,
Над седыми от горя холмами
Никнут тучи, печалью звеня,
Как дождями...
Боже мой!
Для чего я тобою забыт?
Над безумной землей,
Над облитыми болью полями
Крик мой молнией
К небу пришит,
Как гвоздями...
Неужели на брусьях любви
Над вершиной терпенья покатой,
Задыхаясь в огне и в крови,
Мне висеть
до заката?!

***

Парадные двери фортуны-затейницы,
Извозчиков брань,
жесткий нрав мостовой...
Душа одичала от горькой ничейности,
Как загнанный пес
в подворотне чужой.
О чем попросить —
об участье, о хлебе?
О крохах случайных чужой доброты?
А духу бескрылому
грезится небо,
Но кто из земных
мне подаст высоты?
Не жертвуйте хлеба,
улыбок не надо,
В подачках бесцветно,
безвкусно добро.
Спасибо на том,
что, подъехав к парадному,
Не бьете меня
сапогом под ребро.

Молва

Покатилась молва, словно снежный ком,
Со двора на двор да из дома в дом,
Шепотком да вслух, да из уст в уста,
За тропой тропа, за верстой верста.
Перейду молву, словно реку, вброд
От своей двери до твоих ворот,
Покажись в окне, мне бы только раз
Зачерпнуть весны из любимых глаз.
Отвори скорей, одному невмочь
Коротать молву, как глухую ночь,
Отвори скорей, я корю себя,
Что от злой молвы не сберег тебя.
На ветру молвы шелестят слова
И горчат они, что полынь-трава,
И ложится боль да укор немой
Ледяным крылом на подснежник мой.
Отрекись сейчас, коли хочешь жить,
Что не мил тебе, что не люб, скажи,
Мы на суд людской, как на смерть, идем,
На костре молвы нам гореть вдвоем.

***

*Погребенным не на погосте**

Если рушится на землю небо,
И рвутся веры провода,
Пропасть справа,
Пропасть слева,
А рельсы ведут в никуда,
Если от боли в глазах темно,
И сердцу очень лихо,
Зажигается кровавое табло:
Запасный выход.

* По древнему обычаю, самоубийцам нет места на общественном кладбище.

***

Твой взгляд в душе,
Как след ожога…
Зачем ты так?
И без того на свете много
Ненужных ссор и глупых драк,
Обид бессмысленных и желчи,
И клеветы,
С минутой каждой
Сердце мельче
От пустоты.
Хронические непрощенья,
Занозы фраз,
Как длительные воспаленья
Съедают нас.
Твой взгляд болит,
Как след ожога…
И все трудней
Жить верой в то,
Что милость Бога
Помирит нас —
Его детей.

Детдом

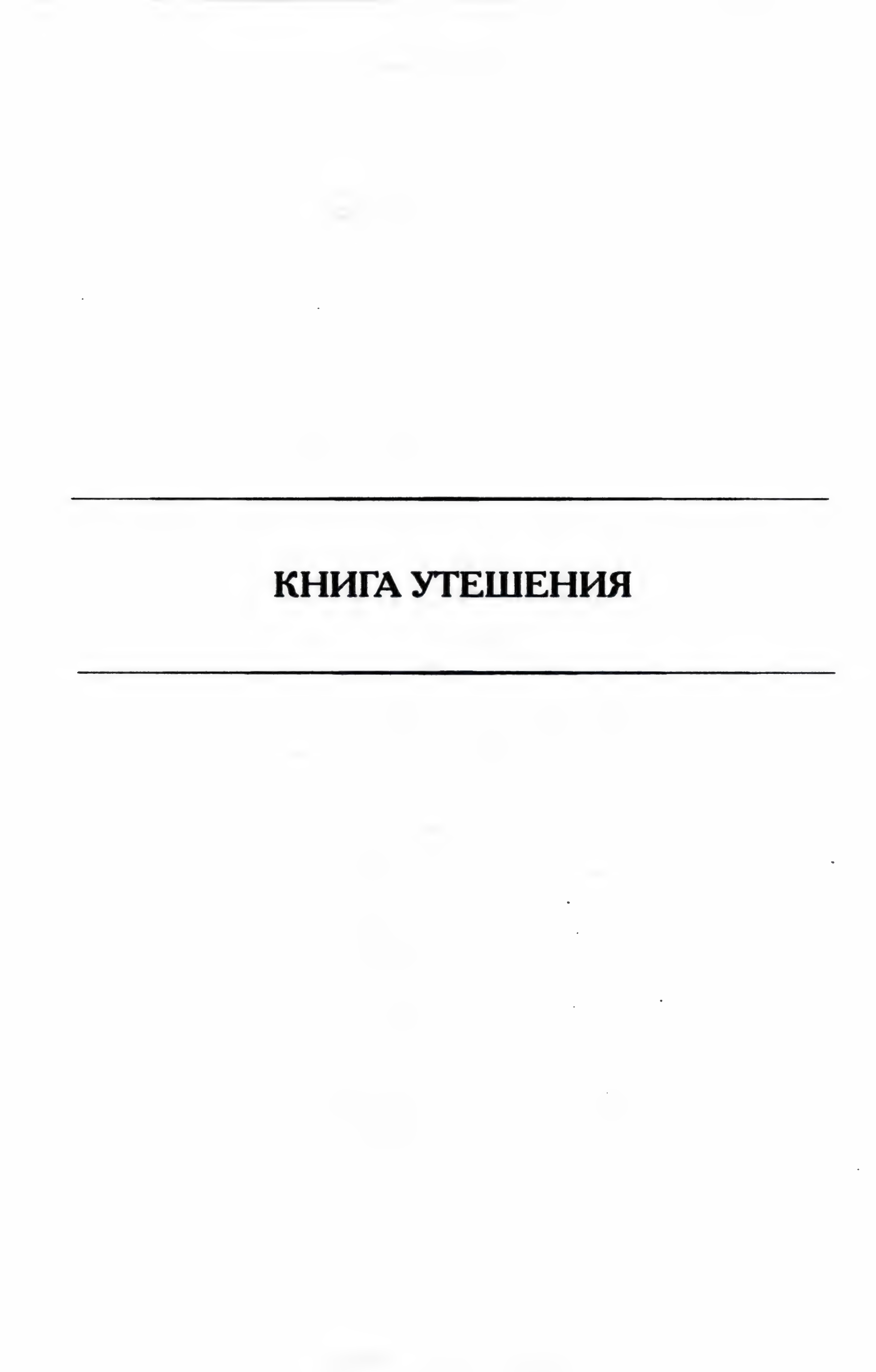
Серые стены,
мрачный забор,
Детства поруганного позор,
Окна ослепли от пролитых слез,
Вот он —
тот страшный детдом,
где я рос.
Голод в душе,
казарма,
муштра...
К замку сиротства привыкнуть пора,
Нам говорят,
что отца у нас нет,
Он-де легенда и выдумка, бред...
Стопы бумажных дел
перерыв,
Я обращаюсь
в библейский архив,
С дрожью
несу я страницы
к лицу,
Кто мне поможет вернуться к Отцу?
... Наша Земля — огромный детдом,
Пусты глазницы
озонных окон,
В этом детдоме разбитых сердец
Ищет тебя
твой Небесный Отец.

Воплощенье

Мы одеты в убогую плоть,
Пересохли в сердце источники,
И до самой могилы вплоть
Мы рабы на дьявола вотчине...
Укажите ослепшим путь,
Нищим духом подайте милость,
Сколько можно, бия себя в грудь,
Кутать душу в рваную милоть?*
Мы одеты в убогую плоть,
В плоть враждебную Духу и Свету,
И до самой могилы вплоть
Ни надежды, ни помощи нет нам.
... Но однажды упала во тьму,
В чьи-то ясли с хрустящим сеном
Та звезда, что слепых в плену
Научила молитвам смелым,
И теперь до могилы вплоть
Я пою, что оковы рухнут, —
Бог облекся в убогую плоть,
Чтобы мы приобщились к Духу.

* Милоть (слав.) — грубое одеяние из овечьих шкур, или власяница, плащ.

КНИГА УТЕШЕНИЯ

Из цикла «Плач Марии»

***

«И Тебе Самой оружие
пройдет душу...»

Лука 2:35

Не видя озабоченных людей,
Не зная глубины эдемской драмы,
Дитя Мария кормит голубей
На многолюдной площади у храма.
Взахлеб лепечет что-то голосок,
Чуть велика льняная рубашонка,
Старательно опреснока кусок
На крошки делят пухлые ручонки.
За городом шумит в полях овес,
На рынке храмовом ведут торговлю хамы,
Еще не воплотившийся Христос
Глядит с небес на девочку у храма.
Он правит ход космических светил
И думает, взирая на малышку,
Что и ее для нас не пощадил
В Своей великой милости Всевышний.

Назаретский колодец

На плече тяжелый кувшин,
Каждый шаг, как удар кнутом,
Вифлеем, звезда — все потом,
А сейчас — холстины аршин,
Занавесить от взглядов стан,
И сквозь шепот соседей, сквозь строй
Предстоит опять за водой
Роковая позора верста.
На плече тяжелый кувшин,
А во чреве — Божье дитя,
Солнце, пыльный путь золотя,
Показалось из-за вершин...
Назарет — растленный разгул,
Здесь почти престол сатаны.
Как бельмо на глазу страны,
Кутежей твоих пьяных гул.
Назарета остер язык,
Назарета бесстыден взгляд,
Он святых и грешных подряд
Бичевать и пачкать привык,
Но ее иначе судил,
Втайне чувствуя, что чиста,
И особенно едко уста
Отверзая, хулой чадил.
Помолись, слепой Назарет,
Повинись скорей перед ней,
Поцелуй на дороге своей

Полудетских сандалий след…
Холодна и темна вода,
Схвачен камнем тихий поток,
Ты подходишь… стих шепоток,
Золотится струи слюда.
Бьется в чреве чадо Творца,
С каждым утром насмешки злей,
Помогите кто-нибудь ей
Донести кувшин до крыльца…
Нет уже не веры, ни сил…
Позже ты простила людей,
Но Голгофой первой твоей
Назаретский колодец был.

***

В эту ночь
торжественно и чутко
Сторожила землю тишина,
Лунных песен
видимые звуки
На холмах рождала вышина,
Под звучанье ангельского хора
Осеняла смертных благодать,
Прикасались звезды
к чьим-то взорам,
Было до небес
рукой подать.
Сбылось предреченное веками —
Вечность
в белых пеленах холста
Ласковыми женскими руками
В ясли
положили небеса.

Колыбельная

«И даст Ему Господь Бог
престол Давида...»
Лука 1:32

Здравствуй, первенец, небом данный,
С золотою судьбой впереди,
Спеленаю тебя, долгожданный,
Прикачаю у теплой груди.
Под хоралы созвездий ясных,
Изумленно глядящих вниз,
В неотесанных старых яслях
Спи, мой маленький звездный принц.
Не дыша, наклоняюсь ниже
Над загадкой родного лица,
Может, в крошечке-сыне увижу
Недоступного взору Отца.
Не забыть, как в рассветную млечность,
Что струилась туманом в полях,
Обвенчалась со мною вечность,
Чтоб Земле подарить Тебя.
Под хоралы созвездий ясных,
Изумленно глядящих вниз,
В неотесанных старых яслях
Спи, мой маленький звездный принц.

В Египте

Пирамиды,
    чужие храмы…
Вновь семейное торжество, —
На Земле
    пока только мама
Да Иосиф
    чтут Рождество.
У Марии
    медовые бублики
И кугол*
    готовы к столу,
Юный Царь
    из дубовых кубиков
Строит башенки на полу.
Строит
    храмы живого Бога,
Строит сказочный Ершалаим**,
И загадочною дорогой
Тридцать весен
    лежат пред Ним.

* Еврейское национальное блюдо.
** Иерусалим.

***

«Муж скорбей и изведавший болезни...»

Ис. 53:3

Была зима,
и отрок Иисус
Болел простудой тягостной такою,
В углах горячих воспаленных уст
Дремала боль
незримою уздою.
Который день в жару,
а то в поту,
В бреду и полузабытьи распятый,
Он словно плыл куда-то
на плоту
Любовно сделанной Иосифом кровати.
Восстали против бедного дитя
Который раз уже
все силы ада,
Молилась, чуть устами шевеля,
Мария
без надежды и отрады.
Ей было страшно
при огне лампад,
Ей мнились толпы демонов
у дома,
И обессилено молитвенный обряд

Вершила мать
почти на грани слома.
Какую ночь без сна она с зарей,
Устав за сына с хворями бороться,
Безрадостно спешила за водой
На площадь
к назаретскому колодцу.
А мальчик,
глядя в низкий потолок,
Припоминал библейские поэмы
Про слабый
и несломленный росток,
Решивший голода и гибели проблемы.
Как он взошел,
всем засухам назло,
Как ник потом, почти убитый жаждой,
И небо, и земля — все смерть несло,
Но выжил он,
наивный и отважный,
Сухой росток,
отверженный людьми,
Забывшими подать хоть каплю влаги,
Стал щедрым колосом,
и в жатвенные дни
Он шелестел над полем мертвых злаков.
Он ждал серпа,
он ждал себя отдать
Всем нищим, истощенным
и болящим,
Он должен был на жерновах
страдать,

Чтоб накормить собой оголодавших.
Росток — надежда мира,
жизнь и смысл,
Пусть все ему враждебно в этом мире,
Он стебелек дрожащий тянет ввысь,
Он выживет
и нас у смерти вырвет...
Мария, разводя целебный чай,
Робела и смущалась ненароком,
Когда о будущем ребенок невзначай
Вдруг спрашивал,
цитируя пророков.
Была весна,
и снова он болел,
И как всегда тянулись осложненья,
Как будто кто-то яростно хотел
Сломить в Нем
жизни слабое растенье.
Весенне пели горлинки в окне,
И слушала Мария,
просыпаясь,
Как бредит сын
в своем тревожном сне
Стихами
убиенного Исайи.

***

Геннисарет задумчив и печален,
Полощет тени бледных облаков,
Как в колыбели бережно качая,
Ночные лодки бедных рыбаков.
А ветер держит росы, словно слезы,
Седые свитки волн устав читать,
И, плавая в бездонной чаше, звезды
Лучами дна пытаются достать.
Трепещут травы станами метелок,
След амбры лунной тонок на волнах,
Болеет воздух плачем перепелок,
Настигнутых любовью на лугах.

Суд

«Иисус молчал...»
Матфей 26:63

Когда священники, старейшины, вожди
Душой Спасителя, как вещью, торговали
И, не стыдясь своей бездарной лжи,
Его перед Пилатом обвиняли,
И требовали смерти на кресте
Во имя Божьего суда святого,
Господь в Свою защиту на суде
Не произнес ни слова, ни полслова.
Он словом эту землю создавал,
А ныне замерли все ангельские лиры,
И каждый ангел с болью наблюдал,
Как Он, безмолвствуя, творил спасенье миру.
Он знал, что нет спасения от уз,
Что люди жаждут зрелища и крови,
И что молчание Его разбитых уст
Вовеки не оценят суесловы.

Плач Давида

«Боже мой! Боже мой!
Для чего Ты оставил меня?»
Псалтирь, гл. 21

Подчеркнутые ритмы этой боли,
Закат над Палестиною горит,
Неясен смысл великой Божьей воли...
«Вновь подлецы играют против правил,
Зачем, о Боже, Ты меня оставил?» —
Когда-то пел в изгнании Давид.
Мерцает песня, плача и журча,
На лезвии последнего луча,
Вздыхает арфа горестно и страстно,
В мелодию за тоном полутон
Вплетая, словно нити льна, в хитон
Ткань музыки легка и так прекрасна,
Над нею время и забвение не властны,
Спустя века поют под перезвон
Тот плач Давида в тягостном несчастье.
Мария тоже пела эту песню
Ночами возле детской колыбели,
Быть может, думая, что бури и метели,
Боль, страх и горечь этой древней песни
Ее младенцу будут неизвестны.
Подчеркнутые ритмы этой боли,
Подернутые скорбью облака
И скрытый смысл великой Божьей воли...

Вновь подлецы играют против правил,
Зачем, о Боже, Ты меня оставил?»
Столетья, словно долгая река,
Туман забвенья над рекою вьется,
И эхом на Голгофе отдается
Заученная сызмальства строка.
С нее слетел хитон очарованья —
Нехитро сотканный пастушеский напев,
Что мамой повторялся нараспев,
Осталась только плоть стиха в страданьях
И страстное предсмертное желанье —
Дистанцию разрыва одолев,
Увидеть лика Божьего сиянье,
Толпу глумящихся, и боль, и страх забыть,
Забыть сомненья, муки и утраты,
А вместо горькой чаши — благодати
Устами пересохшими испить
И только после в Господе почить.

Совершилось

«И даст Ему Господь Бог
престол Давида».
Лука 1:32

Увенчали короной из терния,
Окропили цикутой уста,
Возвели на престол милосердия,
Что в тот день
принял форму креста.
Это вам, слепые раввины,
И народу, что милость забыл, —
Из ладоней царя рубины
Щедро падают
в серую пыль.
Небеса над престолом страшным
Обагрила пурпурная муть,
Крупным жемчугом пота украшена
Молодая царская грудь…
Что ты, жено, в слезах забылась,
Горький ужас в очах застыл?
Обещал архангел —
и сбылось:
Коронованный царь — ТВОЙ
СЫН!

Погребальная песнь

На том берегу времен
Мы встретимся.
Плачут свирели…
Все скорби Твои отболели,
Ты спишь, как дитя в колыбели,
Ты вечным покоем пленен
На том берегу времен.
Под легким шатром ветров
В стране тишины
 и забвенья
Твой мир не нарушит смятенье
И плакальщиц долгое пенье,
Тщета наших скорбных слов
Под легким шатром ветров.
Печали унять не могу,
Зачем Ты уходишь
 до срока?
И небо глядит луноoко,
Как мне без тебя одиноко
На этом пустом берегу,
Печали унять не могу.
Ты в пеленах савана белых
В последней своей
 колыбели,
Тихонько рыдают свирели,

Заката лучи отгорели,
Все боли Твои отболели,
Все муки Твои
отзвучали.
Погасли твои печали,
С живыми тебя развенчали,
Ты в вечный покой посвящен,
Ты встретишь меня у причала
На том берегу времен.

Мироносицы

Облака раскрасив перламутром,
Вброд Кедрон прозрачный перейдя,
Развернуло розовое утро
Чистый свиток будущего дня.
Слабыми холодными перстами
Утирая слезы на ходу,
По колено в утреннем тумане
Шли Марии тропкою в саду.
Шли они нерадостно и долго,
По уступам, словно по векам,
От росы тяжелые подолы
Липли обжигающе к ногам.
Шли, не ведая, что скоро вознесенье,
Что в их дни пророчество сбылось,
Что святое Божье воскресенье,
Как дитя, сквозь муки родилось.

Из цикла «Шаги весны и вздохи осени»

***

Плывут года, как плыли до меня,
И как влюбленные всех стран и всех веков,
В любимом имени я слышу шум дождя,
Дыханье неба, шорох облаков.
В любимом имени звучит прекрасный мир,
Врывающийся в жизнь мою непрошенно,
Я слышу трепет бабочкиных крыл,
Шаги весны и вздохи осени.

***

Привыкли мы всегда бежать,
Остановиться — преступленье.
Бегом читать, бегом решать,
Бегом отпраздновать рожденье,
И, высыпаясь на ходу,
Поскольку уж не до постели,
Все туже суеты узду
Петлей затягивать на шее.
Но вдруг судьба подарит встречу,
И ты, споткнувшись на скаку,
Замрешь, лишенный дара речи,
Впервые на своем веку.
Потом теряешь чувство клетки,
Теряешь чувство колеи —
О чем там шепчутся соседки,
Забыв про все дела свои?
Вдруг чувствуешь, как сердцем мелок
От беготни туда-сюда,
Плюешь на кучи недоделок,
Забыв про всех, забыв про вся,
Забывши душу вставить в стремя
И суету никчемных слов,
Молчать вдвоем находишь время,
И это — попросту — любовь.

Счастье

Быть может, это — обретенье,
А может, радость отдавать,
Осуществленное стремленье
Разрушить или же создать,
Созвучье обстоятельств встречных
С тем, что в тебе живет уже,
Когда аукается вечность
С весной, родившейся в душе.
А может, издали и рядом
Друг друга праздновать взахлеб,
Когда в хрустальном кубке взгляда
Искрится смех и тает лед.

Единение

Горы в оправе небес,
Чайки, влюбленные в море,
Ветром пронизанный лес,
Эхо, что голосу вторит,
Берег, обнявший залив,
Дождь, что над полем плачет, —
Только в контексте любви
Жизнь что-то значит.

***

Оле

Возле музыки, как у костра,
Плачут звуки, что зыбкое пламя,
Заблудились в потемках ветра,
Только тени да всполохи с нами.
Шорох дисков, как всплески реки,
У которой сидеть бы да слушать,
Ожидая любимой строки,
Обжигающей искрами душу.
Под немой циферблата укор
Отломи эти точки неточно
И еще раз подбрось их в костер,
Оттененный безмолвьем и ночью.

***

Тихо пали туманы
по окрестным лесам,
Стали краски невнятны,
смолкли птиц голоса,
В светлых зеркальцах лужиц
в колеях от колес
Стерлись вдруг отраженья
облетевших берез,
Это белое облако,
опустившись с небес,
Так беззвучно и ласково
обесцветило лес
И, усталою млечностью занавесив наш путь,
На осеннюю землю
прилегло отдохнуть.

***

Пусть
тебе приснится
утро в поле
И полыни привкус
на губах,
И дорога в небо,
над которой
Меркнет вечность
в звездах-васильках.
И, в ветрах студеных утопая,
От созданья мира
сквозь века
Я иду к тебе
совсем нагая,
Босиком
по белым облакам.

***

Любимый, думай обо мне,
Когда в тебе звучит усталость,
Когда надежды не осталось,
И струны веры оборвались, —
Любимый, думай обо мне.
Когда тебе связали крылья,
Когда растоптаны мечты,
Когда лишь шаг до пустоты,
О нашей встрече думай, милый,
Идя последние версты.
Когда ты одолеешь битву,
Когда к тебе вернутся силы,
В ответ на все мои молитвы
Сквозь дождь, и снег, и ветер стылый
Подумай обо мне, мой милый.

***

Как просто от случайной ссоры
Войти в пустыню горьких фраз
И умереть от приговора
Холодных глаз.
Как просто выпить чашу счастья
И сгоряча ее разбить,
Но быть у прежнего во власти,
Все потерять, почти забыть,
Но при одной случайной встрече
Услышать все, о чем молчат,
И ощутить, как чисто речи
Сожженной нежностью горчат,
Воскреснуть от одной улыбки,
Как в омут, броситься во взгляд,
И муки Шуберта за скрипкой
Сквозь слезы выстрадать в закат.

Прощание

Скажу «люблю» беззвучным шепотом,
Когда настанет час уйти,
И отпущу тебя безропотно,
Да будет Бог с тобой в пути.
Пусть охраняет небо синее
Тебя от боли и нужды,
От испытаний непосильных,
От слез бессильных, от вражды.
Скажу «иди» беззвучным шепотом,
И будь всегда храним судьбой.
Я буду ждать без слез и ропота —
Моя любовь всегда с тобой.

***

Свечи зажгите из пихт и осин,
Смейтесь и плачьте навзрыд,
Желтое пламя в ладонях долин
Долгим костром горит.
Кружатся птицы, туманы плывут,
Звонок прохлады хрусталь,
Люстры созвездий лукавят и лгут,
Пряча от всех печаль.
Раны осенней тоски бередя,
В рваном шатре облаков
Водит сентябрь по струнам дождя
Легким смычком ветров.

***

Загляни в глаза мои поглубже,
В них дрожит, словно пламя свеч,
Словно солнце в весенних лужах,
Пламя наших счастливых встреч.
Я горела бы жарким факелом,
Я бы стерла все рубежи,
Только небо руками ангелов
Держит ветры моей души.

***

Разломи мое сердце на части,
Ты увидишь, что в нем болит, —
И цветные осколки счастья,
И тяжелые камни обид,
И надломленной веры трости,
И живые любви ростки,
И шипы беспричинной злости,
И большой пустыни пески.
И изорванную одежду
Горькой правды в пятнах белил,
И ожившую птицу-надежду,
Ту, которую ты не добил.

***

А родина —
                обычная до боли,
Как женщина в халатике простом,
Любимой вечно будет
                                и потом,
Когда отпустит нас, птенцов,
                                        на волю.
Забудется ли ив густых завеса
Над речкою,
                в осоке берега,
Тяжелые печальные стога,
Туман,
        упавший в ноги лесу.

***

Зажгу свечу
                    и, глядя в пламя,
Я вспомню твой усталый взгляд,
Так звезды тихие глядят,
Верша судьбу и суд над нами.
Зажгу свечу
                    и, глядя в пламя,
Я вспомню тихий голос твой,
Такой далекий и родной,
Орган поет в уснувшем храме.
Зажгу свечу
                    и, глядя в пламя,
Я вспомню рук твоих тепло,
И станет горько и светло,
Как будто пластырь лег на раны.
Зажгу свечу
                    и, глядя в пламя,
Я помолюсь невольно здесь
О всем, что было и что есть,
О всем, что будет между нами.

***

Выйдем к лесу в снега,
К завороженным елям,
Где живет тишина
В бездорожии белом,
Чтоб сквозь частую сеть
Неуемной пороши
На стволы посмотреть
Вдоль дороги заброшенной.
Там глухое беззвучье
Рукавичками мягкими
Гладит старые сучья
В снежных новеньких шапках.
Всюду зимняя проседь,
Бело-серая дымь…
Пусть поземка заносит
Голубые следы…
Всколыхнула ворона
Тишины покрывало,
Эхом всхлипнули кроны,
Горстка снега упала,
И лыжня после нас
Чуть приметной царапинкой
Подчеркнула пейзаж,
Запорошенный в крапинку.

***

Не уходи из жизни,
пожалуйста,
Сердцем нежность мою охвати,
Не надо вздохов, советов,
жалости, —
Из жизни моей не уходи.
В надежде и в грусти
какая нужда?
Нет смысла играть в мечты...
Не нужна мне любовь,
не нужна —
Мне нужен ты.

***

Доживу
до последней стужи
И до первой вешней грозы,
Небо радостно
рухнет в лужи...
Доживу до новой слезы,
Доживу до случайной грусти
И до новой робкой мечты,
А весна
журавлей к нам пустит
И рассыплет в лугах
цветы.
Окунется рассвет в туманы,
Захлебнется закат в крови,
Я забуду надежд обманы,
Доживу
до новой любви,
Доживу до новых падений
И до новых стремлений ввысь,
И до трудных новых
прозрений,
Без которых
напрасна
жизнь.

Из цикла «Земные сны»

Нарциссы

Мне привиделся сон:
в ярко-белом хитоне,
Незажившие раны виссоном прикрыв,
Воскрешенный Исайя на новом Сионе
Нам читает стихи
на еврейский мотив,
О посте, о субботе,
о мире, о смуте,
О сиянии риз над простором равнин…
А еще он прочел
о последней минуте —
Встреча с медленной смертью
один на один.
Если только представить:
в толпе при народе,
На обугленной коже со следами золы,
После пыток, допросов
в трухлявой колоде
Ждать, как врежутся в плоть
зубья жадной пилы.
…Ты не слышал уже
как Великое море

Горьким бризом дохнуло на могилу твою,
Полевые нарциссы поникли
от горя,
А ветра, словно слезы,
держали росу...
Пусть Сион сотрясается громом оваций,
Пусть поэта
опять вызывают на бис, —
И опять о посте,
о субботе,
о нации,
О сиянии чистом Божественных риз...
Мне приснилось тогда,
что в тени кипарисов
От любви и смущенья с собой не в ладу
Белоснежный букет из эдемских
нарциссов
Я ему подарила
у всех на виду.
Мой любимый пророк,
я ждала этой встречи,
Я учила поэмы твои наизусть,
И твои бремена мне ложились
на плечи,
И рождалась в душе непонятная грусть.
Я решила тогда,
что эдемские реки,
Древа жизни плоды и живая вода

Непременно сотрут
и залечат навеки
Рваный шрам от пилы
поперек живота...
А проснувшись,
открыла Исайи поэму
И подумала, глядя в окно на зарю:
Пусть все будет не так,
но когда-то в Эдеме
Я пророку цветы
все равно подарю.

Сотворчество

Моим пером, в моем уме
И на бумаге белоснежной
На бедном нашем языке,
Смягчив оттенками надежды
И грусти светлыми штрихами
Невыразительность чернил
Какими странными стихами
Мой ангел нынче пошутил!

Белые стихи

Словно мысли
в форме облаков,
Светлые, нескладные,
воздушные,
Своенравные и непослушные,
Вырвались из рифмовых оков
Строки удивительных стихов.
Видимо, их ветер напевал,
Заблудившись
в сумерки туманные,
Оттого они такие странные, —
Он потом устал
и замолчал,
Облачившись в тихую печаль.
Он молчал,
но в будущее эхом
Ветрености легкие грехи
Уплывали
белые стихи,
Плыли они вдаль по белу свету
И ложились на душу поэту.

***

Как-то ангелов хор
Пел ночною порой,
Оглашая простор
Над уснувшей землей.
Два поэта земных,
Живших в разных краях,
Тот небесный мотив
Записали в словах,
Но не смолк до сих пор —
Что смешнее всего —
Гневный критиков спор:
Кто украл у кого.

Вторая скрипка

Бывает счастье настоящее,
Что для души —
　　　　　　　　не напоказ,
Когда в мелодии летящей
То в унисон,
　　　　　　　а то в контраст
Тепло звучит вторая скрипка,
Вся ради первой, для нее, —
Она,
　　　　как женская улыбка,
В которой все заключено.
Она — вся слух
　　　　　　　　и отклик честный,
Самозабвенья торжество,
Что без тщеславия и лести
Творить способно
　　　　　　　　волшебство.
Она воспитывает чувство
И создает собой аккорд,
Служа душе,
　　　　　　　а не искусству,
Всем силам зла наперекор.
Устав от фальши сладко-зыбкой
Становишься чуть-чуть добрее,
Расслышав вдруг
　　　　　　　　вторую скрипку
И весь подтекст,
　　　　　　　　рожденный ею.

Пушкин

Папе

Тонет в сумерках вечерних
Сизый иней на окне,
Чуть лениво и неверно
Пляшут тени на стене,
Вздохи няни престарелой,
Задремавшей у печи,
Ветер в дом стучит несмело,
И простывший чай горчит.
Непогода разгулялась,
Будет вьюга до утра...
Непомерная усталость,
Скрип гусиного пера,
Черновик стихотворенья,
Слезы тающих свечей,
Белый голубь вдохновенья
У поэта на плече.

***

Мне объясняло время,
что же такое музыка:
Это душа, текущая
в светлую тишину,
Вздохи мечты крылатой,
ставшей немою узницей,
Белое пламя грусти
у нежных звуков в плену.
Птицы, солнце и ветер
о музыке рассуждали,
Но не понять мне было,
что говорят они,
Пока не запело сердце
в тонких лучах печали,
Словно волшебная арфа,
от дуновенья любви.

Палех

Свет тихо сошелся клином,
И в храме немой тишины
Глядели на нас картины
Как острова старины.
Сказочность тонких линий,
Повеял в ночи ветерок,
Вот пастушок в долине
Дует в волшебный рожок.
В глухом терему в светелке,
Горюя, сидит княжна,
Мчится царевич на волке,
К звездам взметнулась волна.
Никнут березы долу,
И к острову лебедь плывет,
Вот над притихшим полем
Кречета хищный полет...
Краски горели и пели,
Рождая из глубины
Хрупкую трель свирели
Всю в позолоте луны.

***

Мы на дне космического моря,
В этом море места хватит всем,
Громоздятся под водою горы
Нерешенных споров и проблем.
Здесь ошибок крабы неприметны,
Их стихия — мутная вода,
Пляшут звуки в водорослях ветра —
Пузырьки, идущие со дна,
Нам идей теченья неподвластны,
Сдайся им — они заворожат,
Мысли, как жемчужины прекрасные
В створках книг заманчиво лежат,
А когда от книг устанешь умных,
Вскинешь голову, а в небе там и тут
Серебристо, плавно и бесшумно
Над тобою ангелы плывут.

***

Мне любовь твоя, что огонь в холода,
Мне любовь твоя, словно в зной вода,
Мне любовь твоя, что от ветра кров,
Словно хлеб святой мне твоя любовь.
Мне любовь твоя, что высокий храм,
Если б в храме том повенчаться нам!
Мне любовь твоя, словно чистый звон, —
Или вправду он, или снится сон?
Мне любовь твоя, словно горький мед,
На большой реке первый хрупкий лед.
Я ступлю и все... Оглянись во след —
Ничего у нас не было и нет.

***

Пишут стихи поэты
На языке грусти,
А в небе поют ангелы
На языке радости,
Господь говорит с сердцем
На языке мудрости,
А благодать вечная —
На языке любви.
Слагают люди элегии
На языке скорби,
А птицы щебечут звонко
На языке счастья,
Ветер пишет симфонии
На языке нежности,
А детство видится с нами
На языке снов.
Сетуют горько вдовы
На языке боли,
Их утешает солнце
На языке света,
Звезды им дарят астры
Самых больших созвездий,
Всем обещая счастье
На языке звезд.

Наша минорная нота
Тонет в большом мажоре
Необозримой вселенной,
Не изувеченной злом,
Обетованья Божьи
Тянут лучи к сердцу,
И сердце в ответ на это
Свету звучит в унисон.

***

В чулане памяти, где пылью
Надежно скрыты от очей
Наивности разбитой крылья
Как устаревшая модель,
И где усилий тщетных стружки
Устало время сторожат,
Как позабытые игрушки
Мои фантазии лежат.
Но верность делу сохраняя,
В моей обители в раю,
Хранитель-ангел, словно няня,
Что душу вырастил мою,
Сняв неудач былых опилки
И безнадежности пласты,
Хранит в серебряной копилке
Мои заветные мечты.

КНИГА МУДРОСТИ

Из цикла «Пустыня»

***

Бог учит в пустыне,
        где празднуют волю ветра,
Где мысли веков
        на табличках из глины застыли,
Где холод и жажда, жестокая смерти сестра,
О сгинувших здесь
        навевают печальные были.
Пустые колодцы — могилы
        последних надежд,
Незримые тропы, как призрачный путь
        провиденья, —
Жестокая школа для праздных,
        кичливых невежд,
Великая школа молчанья, труда и смиренья.

Египетский раб

I

В великое море небес
По темному сумерек Нилу
Уходят последние силы,
Облекшись в лохмотья словес.
Устав от вседневных битв
За жалкую корку хлеба,
Я душу сплавляю в небо
В папирусных лодках молитв...
Египта угрюмая власть
Нависла удушливой тьмою,
Я болен одною мечтою —
Краюшку свободы украсть.
Безумно хочу в Ханаан!
А здесь, на чужбине постылой,
Награда — только могила
Мне, сыну Израильтян.

II

Свобода... Зной и пески,
Глаза не глядят на манну,
Как все неожиданно-странно...
От жажды кипят мозги.

Участь раба и рабыни
Лучше голодной смерти,
Рабство — пустяк, поверьте,
В сравнении с этой пустыней.
За прежнее все отдам.
Коль мне и всему народу
Черствый кусок свободы
Вышел не по зубам.
А Ты, кто там с неба сыплет
Манной вместо дождя,
Дай нам другого вождя,
Мы повернем в Египет.

III

Прочь от шатра, Моисей,
С медной змеей-богиней,
Я умираю в пустыне
От жгучего яда змей.
Но мне, как и прежде, в мечтах
Милый Египет снится
От Ханаанской границы
В последних семи верстах.
Ты был плохим вождем,
Жизнь, как пустыня, пройдена,
Ты разлучил нас с родиной —
Я ведь в Египте рожден...
В великое море смерти
По мутному теплому Нилу

Уходят последние силы,
Течение лодку вертит…
От битв бесполезных устав,
Я умираю в пустыне
От Иорданской долины
В последних семи верстах.

Остров

Безлюдный
островок молитвы
В безбрежном море суеты,
Он зелен травами мечты,
Что к свету тянутся.
Разлиты
Лучи небесного тепла
По берегам его
отлогим,
И все пути, и все дороги
Ведут сюда.
Всегда светла
Лазурь небесной высоты,
Здесь жизни родники
таятся,
И здесь раскрыться не боятся
Надежд заветные цветы.
Здесь чувства
живы и вольны,
Я праздную здесь оправданье,
И наши с Господом свиданья
Высокой радости
полны.

***

Ты меня бережешь от зноя,
Хлеб и воду даруешь мне,
А пустыня ветрами воет
И сжигает судьбы в огне…
На устах горький ропот стынет,
Но ценою голгофских ран
По горячим пескам пустыни
Ты ведешь меня в Ханаан.

Выбор

На вечность душу, как струну,
настроив,
Сдержавши боль о всем, что здесь теряю,
Уставшим сердцем,
как дрожащею рукою,
Я правду выбираю.
Пусть ломится земля
вином и хлебом,
Цветут соблазнов пестрые цветы,
Я выберу своей судьбою Небо,
Которое
нам кажется пустым.
Я мудрость назову
любимым храмом
И, прежде чем ненадолго усну,
Душой, как пересохшими губами,
К истокам вечной жизни
прикоснусь.

Дерзновение

Оголодала душа...
Пуст земной неуют,
Где-то в небесных высотах
В храме святой субботы
Ангелы «свят» поют.
В храме, где Божий престол,
Строен светильника ствол
В свете семи лампадок,
Дым фимиама сладок,
Ломится хлебом стол...
А на земле у нас
невпроворот забот,
Скучно, с унылым вздохом
Истин небесных крохи
Скупо делит народ...
Может, пророк Илья,
может быть, Гавриил,
В храме Господнем ныне
В небе субботнем синем
Проповедь говорил.
Беден земной язык,
тесен сознанья склеп,
Отче, подай мне с неба
Ломоть небесного хлеба,
Мягко завернутый в свет.

Оголодала душа,
грезится Божий стол,
Речи Ильи-пророка
В непостижимых уроках
Светлых
небесных школ...
Если дерзать дано,
То обещай мне, Отче,
В храме субботы ныне
В мертвую эту пустыню
Хлеба с небес подать.
Если Ты только захочешь —
Можешь меня принять!

***

Только Библия,
кельи пустой тишина,
Да оконце, глядящее в поле,
Здесь душа
в неземную любовь крещена
И созвучна Господней воле.
Здесь она,
облачившись в смиренья хитон,
Внемлет гласу
в просторах вселенной,
Назарянин в венце
и с тяжелым крестом
Пролагает ей стези в нетленье.
Зачитаешься...
Плещется ночь за окном,
На мгновение стало светлее —
Это ангел повел занемевшим крылом,
Тесно ангелу
в низенькой келье...
А на сердце лежат благодати лучи,
И доступно высокое небо,
Дух питается Словом
при свете свечи
И молитвы насущным хлебом.

***

Страх тесен, душен, темен,
словно склеп,
И кто-то прочно запер дверь снаружи,
И этот кто-то
глух к мольбам и слеп.
В отверстии по центру,
словно в луже,
Плывут далекие пустые облака,
К ним тянется
дрожащая рука
Настойчивей, чем нищий просит хлеб...
И если узник верит —
рухнет склеп.

***

Твой взгляд меня зовет
В неведомые выси,
Возьми меня в полет
Своей небесной мысли.
Встает в душе незримо
Мрак будущих агоний,
Возьми меня в глубины
Твоих голгофских болей.
Синай в тумане стынет,
Зарей восток облит,
Ты — на кресте в пустыне
Непринятой любви.

***

Я не требую милости,
ни суда, ни взаимности,
Ты простишь мне невинности
этой горькой наивности.
Будут нивы покошены,
будут снова засеяны,
Мы толпою безумцев
будем снова осмеяны…
Не хочу быть любимой,
а всего лишь — соратницей…
Зреет вечность над миром,
как суббота над пятницей.

***

Памяти А. И. Тупчиенко

Муки выпиты, слезы сдержаны
В обеззлобленности святой.
Царство Божие — для отверженных,
Для испачканных клеветой.
Нет инъекций от бессердечности,
Тонет голос в кромешной мгле, —
Трудно ищущим правды вечной
На неправедной сей земле.
Пусть виски сединою тронуты,
Белым саваном стала боль, —
Царство Божие — для непонятых,
Для деливших с изгоем соль,
Для глухих к восхваленьям льстивым,
Для слепых, чтобы делать зло,
Царство Божие — для милостивых
И для чистых сердцем оно.
Пусть он горек — путь к совершенству,
Неподъемен страданий крест —
Обетованные блаженства
Всем за правду избранным есть.

***

Мне сладко все: и горе, и печаль,
И каждая минута трудных буден,
Поскольку Бог — начало всех начал —
Со мною был, со мною есть и будет.
Моя душа захвачена волной
Его любви безмерной доказательств,
Он каждый миг беседует со мной
Красноречивым слогом обстоятельств.
Мой первый крик, последний вдох и мысль
Не канут в горечь поминальной тризны,
Богопознанье — это цель и смысл
Не только этой, но и вечной жизни.

Из цикла «Пантеон Соломона»

***

Знакомимся с людьми посмертно,
По книгам вчитываясь в них,
Вскрываем старые конверты,
С черновиком сверяем стих.
Глядим в их жизни сквозь картины,
Сквозь документы, дневники,
Беседуем посмертно с ними,
Живые как-то далеки,
А бывшие как будто ближе,
Дороже, чище и умней,
Любовь к ушедшим миром движет,
Посмертно чествуем людей,
Посмертно задаем вопросы,
Кладем недостающий штрих,
Прощения посмертно просим,
Посмертно учимся у них.
И нас, слепцов, не удручает,
Что это все — игра в святых.
Посмертный нимб не совпадает
С натурой, бывшею в живых.

***

Все реки впадают в море,
И кружат над морем ветра,
А ночи с рассветом спорят,
И солнце восходит с утра.
По вечному жизни кругу
Времен колесница летит,
И, плавно сменяя друг друга,
Созвездия входят в зенит.
В чем смысл бытия векового:
В познании, в вере, в труде?
Грань доброго в мире злого
Порой нелегко разглядеть…
В плену у тщеты порочной
Свободный и раб, и поэт,
Все взнузданы жесткой и прочной
Уздой суеты сует.
Но солнце встает за рекою,
И ветер кружит на ходу…
Наступят столетья покоя
И упразднят суету.

***

Незримое Духа святилище
Владеет сознаньем моим,
Но в тайн вековое хранилище
Никто никогда не входил.
Лишь мысли острейшее лезвие
Догадкой завесу пронзит:
В хрустальном ковчеге поэзии
Высокая мудрость лежит.
Она, словно древо запретное,
Прекрасней, чем власть и почет,
И кроме сокровища этого
Меня ничего не влечет.

***

В плену идей красивых и никчемных
Живет мудрец, как в россыпях камней,
Его устраивает быть до смерти пленным
И поклоняться мудрости своей.
Он горд признанием живущих и грядущих,
Он прячет тайны смысла между строк,
Но мудрость отвлеченную насущной
Не каждый из мудрейших сделать смог.
Всяк веровал, что правнуки и дети
Переведут их мысли на язык
Земной-земной, а сам мудрец при этом
Замысловатостью останется велик.
Пророчили: потомки будут честны,
И мудростью отцов улучшат мир,
А слабости им будут неизвестны —
Умом низложат прихоти кумир.
Но глупость и жестокость правят светом,
Как правили до этого века,
И мудрствуют затейливо поэты
На незнакомых людям языках.

***

«Во многой мудрости
много печали»
Екклесиаст 1:18

Я мудрость ждал,
как юную невесту,
Я клялся ей, как девушке,
в любви,
Я ей молился,
ею грезил с детства,
Из песен и стихов
я ей корону свил.
И вымолил ее...
Нас в храме повенчали,
Отец невесты — Бог —
наш брак благословил,
Счастливый и хмельной, я не жалел вначале
Папируса, сравнений и чернил.
Какие корабли
нас на волнах качали!
Но горьким был момент, в который я постиг —
Во многой мудрости
умножены печали,
Как женщина детей, она рождает их.

Екклесиаст

Я расточал себя и праздно
Вкушал запретные плоды,
Но понял вдруг, что жизнь напрасна,
Она — лишь форма пустоты.
К чему царю ума палата,
Коль не живет в ней божество,
Все груды серебра и злата,
Державной власти торжество,
И мудрости добытой слитки —
Все суета, все фальшь и прах...
Вся жизнь — лишь робкая попытка
Понять, что значит Божий страх.
И уязвленная соблазном
Душа в преддверии конца
Живет одним желаньем страстным
Познать и обрести Творца.

***

Как изуродованный ритм
Для смеха спетой песни вещей,
Надменностью надломлен грешной
И выхолощен смысл молитв…
И мудрость может стать божком,
Изыскано, искусно изваянным,
Таким любимым и желанным
И отвратительным потом,
Когда ей в жертву все отдав,
Опустошенной, высохшей душою,
Как Ева некогда, откроешь
Что обокрал тебя удав.
В пустой погоне жизнь прошла,
И правда с ложью все контрастней…
Как вера без любви напрасна,
Так тщетна мудрость без тепла.

Прихоть

Дочь фараона, первая жена,
Он забавлялся ею, как игрушкой.
Не скажешь, что доверчива она,
Наивна или чересчур послушна.
Умеренность с изюминкою зла —
Порою равнодушна, словно мумия,
Порою обольстительно тепла,
Изящна, сдержанна, на редкость остроумна,
Как веселили юного царя
Таинственные в капищах обряды,
Все золото, потраченное зря,
Роскошные нескромные наряды.
Все льстило гордости, манило и влекло —
Ее капризы, вкусы, интересы...
Да, неотесанным еврейкам далеко
До утонченности египетской принцессы.
Размах, свобода и, конечно, риск —
Вот стиль, поистине царей достойный,
Лишь раб боится слова «компромисс»
И держится за ветхих правил стойло.
Как жаль, что самый мудрый из царей
Не рассчитал, не понял, не увидел,
Что эта кукла голубых кровей
В душе, как в пантеоне, — первый идол.
Не ведал царь по молодости лет,
Что прихоти коварная дорога
Приводит в царство суеты сует,

В мир пустоты у смертного порога,
Что даже мудрый может стать рабом
В сетях соблазна, в паутине лести,
Что сам возжаждет выжженным нутром
Того, что прежде обозначил пресным.

Ристалище

Пусть соседствуют святыни
С сонмом каменных богов…
Состязания в пустыне
Ждут арабских скакунов.
Без такого развлеченья
Жили предки до сих пор! —
Суета и вдохновенье
Будоражат царский двор.
Долго страсти не остынут.
Звонко щелкнул царский кнут,
Скачут кони по пустыне
С пеной розовой у губ.
Прочь дворцовые интриги,
Ссоры жен и сплетен рой…
Мчатся быстрые квадриги,
Ярость, топот, пыль и зной,
Колесница Соломона
Вырывается вперед,
Сбилась тяжкая корона,
По лицу струится пот…
Все мгновенно поотстали,
И царю, само собой,
Лавры первые достались
И ухмылки за спиной.

Мол, конечно, подыграли —
Полз коварный шепоток.
И усвоил он с печалью:
Мудрый вечно одинок.
Разобиженный льстецами
Молвил юный царь в сердцах:
«Если ты живешь с глупцами,
Лучше ездить на ослах».

Еврейский мотив

В мелодии простой и нежной
Тревогой оттенен покой,
Печаль пронизана надеждой,
А радость — трепетной тоской.
Самозабвенно плачут скрипки,
И чудо каждой их слезы
Дрожит прозрачно, как улыбка,
Как тень извилистой лозы.
На самой грани тьмы и света
Молитва хлынула ручьем,
Окрашивая грусть кларнетом,
Как чистым солнечным лучом.

Песня песней

— Не смотри на меня так нежно,
Я ослепну под этим взглядом…
Ты — огонь, ты — вихрь безудержный,
Мне непросто с тобой быть рядом.
Загорюсь, полечу, онемею,
Растворюсь в глазах твоих, милый,
Я хочу быть самой твоею
Из всех женщин, тобой любимых.
— Суламита,
Суламита,
Лодка к берегу прибита,
Рдеют смуглые ланиты,
Робость тронула уста,
Суламита,
Суламита,
Никнут юные ракиты,
Как ребенок, ты открыта,
И наивна, и чиста.
— Чем ближе мы, тем все бездонней
Мгновенья в долгом свете дня,
Мне звезды падают в ладони,
Когда ты смотришь на меня.
Чем ближе мы, тем звонче время
Бежит орбитами часов,
Таким тяжелым стало бремя
Несказанных друг другу слов.
Все ярче радости потоки,

И мне не верится сейчас,
Что непростительно жестоко
Однажды жизнь разлучит нас.
Суламита,
Суламита,
Все оставлено,
Забыто,
На горячем воске сердца
Ты, как свежая печать,
На горячем воске сердца,
Что копьем тоски пробито,
Ты, как кровная обида,
Роковая благодать.
— Я хочу с тобою бродить
По уснувшему Ерусалиму
И смотреть, как тревожно спит
Лунный свет в Иорданской долине.
Я хочу все боли свои,
Одиночество и тревогу
В серебре кедронской струи
Остудить хотя бы немного,
В сад масличный с тобой шагнуть,
В шепот листьев, в свист перепелок
И увидеть, как млечный путь
Близок нам,
            и светел,
                        и долог.
— Успокой мое смятенье,
Награди мое терпенье,
Словно юноши, в смущенье
Кедры древние стоят.

Ты, как дерзость и смиренье,
Наказанье и прощенье,
Словно жертвоприношенье
Мука долгая моя…
— Слезы отру,
боль остужу,
Тихо в очах твоих встану,
Не прокляну,
не осужу
И укорять не стану.
В темную ночь,
в радужный день
Благословлю тебя нежно,
Грусти нечаянной горькая тень
Бьется в душе мятежно.
Не прокляну…
Этого дня не прокляну,
Обещаю,
Только себе —
слышишь меня —
Я ничего
не прощаю.
— Давай с тобой идти одной дорогой,
Давай с тобою вместе строить храм
Такой, в котором светлых окон много,
В котором петь и радоваться нам.
В нем будет все: и музыка молчаний,
И чистый фимиам горячих ласк —
Пусть все начнется праздником венчанья
И никогда не кончится у нас.

Нам никогда в том храме не наскучит
Мозаика негромких нежных слов,
Мы в нем разделим, словно хлеб насущный,
Святое чудо с именем «любовь».
Все будет в нем прекрасней и священней,
Чем в звонкой сказке свадебных минут,
И над ковчегом наших отношений
Незримо крылья ангелы сомкнут.
— Я не верю, что гаснет свеча,
Что любовь порастает быльем...
Положи меня, как печать
На горячее сердце твое.
Слабой искрой взметнусь из огня,
Но уже ничего не спою...
Положи, словно перстень, меня,
Словно перстень, на руку твою.
— Суламита,
Суламита,
Все потеряно,
　　　　разбито,
Все потеряно,
　　　　разбито,
Чья ошибка,
　　　　чья вина?
Только имя мне осталось,
Боль утраты и усталость,
Только имя не забыто,
Суламита,
Суламита,
Чаша жгучего вина.

***

Время сердца надежды обманет,
Обесцветит мечты полотно,
И любовь поволнует и канет
В омут сердца, как камень на дно.
День пройдет, ночь прозрачная встанет
Над землей, звездным светом дрожа,
А любовь покровит и оставит
Шрам на сердце, как след от ножа.
Новый день народится и минет,
Как улыбка на ваших устах,
А любовь поболит и застынет
Непролитою грустью в глазах.
Снова нежная осень раскинет
Грустный пурпур в окрестных лесах,
А любовь погорит и застынет
Чистотой серебра на висках.

***

Очаруй, о Тора святая,
Полони чистотою идей,
Чтоб, страницы жизни листая,
Оставаться во власти Твоей.
Словно искрой, взметнувшейся с кремня,
Озари, о книга-пророк,
Новизною всех истин древних,
Глубиной твоих кратких строк.
Осеняя нас вечным заветом,
Души нищие правдой одень,
Да увидим мы вечное лето
И длиной в бесконечность день.

***

Словно травы, шелестят слова…
Как слова и травы в жизни схожи!
Говорим: целебная трава —
Есть слова целительные тоже.
Есть слова, исполненные яда,
Есть простые, словно васильки,
А порой с собою нету сладу,
Если в речи всходят сорняки.
Словом можно душу покалечить,
Словом можно рану исцелить,
Бремя безысходности облегчить,
Веру и надежду воскресить.
Я смотрю на луг, в цветы одетый,
Как прекрасен сочных трав покров…
Научи нас, Бог, дарить букеты,
Состоящие из добрых, мудрых слов.

***

Огненная колесница солнца
Продолжает свой извечный путь,
Мудрости глубокие колодцы
Манят свежей влаги зачерпнуть,
И в душе, изведавшей страданья,
Исцелившейся от пустоты,
Не иссякнут реки упованья,
Если ты испил живой воды.
Вековечный мир к концу приходит,
Но и ныне, как во тьме веков,
Слово Божье в чье-то сердце входит,
Разбивая каменных богов.

КНИГА ЖИЗНИ

«Человек верит в вечную жизнь
и потому сеет семена»...
Мишна

Из цикла «Сущий — имя Ему»

***

Приручите дикую лозу,
Что живет за городом на свалке
И в ладони прячет, как цыганка,
Спелую жемчужину-росу.
Суховей, голодный рыжий лев,
Мчится по истерзанной долине,
К мачехе — растрескавшейся глине
Льнет лоза, от зноя ослабев.
Мусора горящее былье...
Без колючек трудно жить, наверное,
В царствии репейников и терний,
Цепко отбирающих свое.
Грех наивность прятать, как слезу,
Из себя изображать шиповник...
Где же он, мечтательный садовник,
С верой в одичавшую лозу?
Он ее, не пожалев хлопот,
Пересадит в щедрый виноградник,
И лоза ему подарит праздник —
Первый нежно выстраданный плод.

***

Когда Его любовь мощней стихии,
Но тише
шелеста березовой листвы,
Как уместить Ему в сердца глухие
Безмерность чувств
оттенков непростых?
Когда Он — Дух,
ну, как общаться с плотью?!
Когда Он — Свет, как
мрак слепых разбить?
Тщеславия и дерзости лохмотья
Как в кротость и любовь преобразить?
Когда Ему мелки
глубины выси,
И словно камешки на берегу — века...
Как втиснуть Господу
размах небесной мысли
В глухие улочки
земного языка?

Рабы

Веками Бог
воспитывал свободу,
Пытаясь души вырастить до света,
Но рабство, столь живучее в народе,
Влекло их гнать
пророков и поэтов.
Свободу почитая за кощунство,
Они свободы
просто не прощали
И Бога посчитали вольнодумцем,
За «ереси» небесные
распяли.
Разорвалась священная завеса,
Как сердце Господа,
висящего на жердях,
И, может быть, тогда сказали бесы:
«Всевышний
доигрался в милосердие».

***

Как труден мне язык
Твоих судов,
Как Ты, Господь, порою непонятен,
Как трудно верить в вечную любовь,
Коль голос милости
неясен и невнятен.
По крохам собирая образ Твой,
Как трудится душа
на лезвии соблазна,
Когда сомнения тяжелой мглой
Скрывают истину, что вечна и прекрасна.
Тернисты Боговеденья пути,
И кажется жестоким
Провиденье,
Но я люблю Тебя
за дерзкие мечты,
За веру в нас,
за правду и смиренье.

Разрушение Иерусалима

Припадаем сердцем и устами
К горькой чаше, полной до краев,
Для чего Ты ныне нас оставил,
Мы, Господь, — святилище Твое!
Мы на пепелище прахом стали,
Мы как безутешная вдова,
Муками рожденные печали
Пеленаем в скорбные слова.
Где же хлеб Твоих обетований?
И светильник милости погас,
Ты собрал нас в скинии страданий
И оставил в самый трудный час.
Ты оставил нас одних под небом,
Окружив веками тишины,
Занавесив вретищами гнева
Ласковое солнце Шехины*.

* Сияние славы Божьего присутствия.

Жив Адонай*

«Если не расцветет
смоковница...»
Аввакум 3:17

Кончилось лето милости,
Город ветрам открыт,
Август, как ангел бескрылый,
Больше уже не взлетит.
Долгой зимой скитаний
В дальних чужих краях
Не оставляй упованья,
Не забывай Меня.
В сердце, в святилище тайном,
Имя мое освящай,
Ты не оставлен в страданьях —
Жив Адонай!
Сменят отрады одежды
Вретище зимнего дня,
Только в лампаде надежды
Не погаси огня.

* Адонай (евр.) — Господь.

***

Мы, вслушиваясь
в имя Божье
И вглядываясь
в небеса,
С души
снимаем образа,
Навязанные жизнью сложной,
Быть может,
набожностью ложной,
Одетой пышно в словеса.
И, чувствуя,
как необычна
Живого Бога благодать,
Вдруг начинаем
понимать,
Что не постичь Его величья,
Идя по колее привычной.
Но, выстрадав
за пядью пядь,
Тоскуя, веруя,
тревожась,
Врастая сердцем в небеса,
С души
снимаем образа,
Преображаясь в образ Божий.

Из цикла «Солнце правды»

Гармония

Твой взгляд
звучит, как музыка,
Господь,
Мне от него уютней и светлее,
Душа моя
становится щедрее,
Покорней духу
немощная плоть.
Душевный мир и правда
неразлучны,
Когда глядятся в сердце небеса…
Страх Божий —
с Богом жить глаза в глаза,
Боясь нарушить чудное созвучье.

***

Кто на белом свете знает,
Кроме горестных небес,
Сколько в жизни погибает
Неродившихся чудес,
Сколько гаснет озарений,
Не представ ничьим очам,
Вольный ветер вдохновенья
Не дается в руки нам,
Потому что все мы глухи,
Потому что мы — слепцы,
Суетливы, как старухи,
И тщеславны, как юнцы.

***

Капризно плакал саксофон,
Как избалованный ребенок,
Дремали утомленно клены
И явь напоминала сон.
Сливались в гул обрывки фраз,
В нависших тучах грозы тлели,
И многолюдные аллеи
Текли куда-то мимо нас.
А мы прощались навсегда,
Без слов и без прикосновений,
Под безучастный ход мгновений,
Под всхлипы старого весла.
Врозь лучше, — думалось тогда,
Все поостынет, прояснится...
Опавшие до срока листья
Качала сонная вода.
Носились над водой стрижи,
И тихо вздрагивала лодка,
Нас помирить пытаясь робко,
Но мы пытались все решить...
Блуждая по аллеям лет,
Мы порознь все же выйдем к свету,
И, словно дым, растает где-то
Той роковой ошибки след.

***

Мы вырастем из этих ползунков,
Поблекнет мистика,
фантастика наскучит,
А беллетристику всех стран и всех веков
В чулан забвенья
свалят рыхлой кучей.
Изящные слова,
сюжеты, имена,
Скелеты замыслов,
надрывность кульминаций,
Барханами веков укроют времена
И упразднят
поддельность декораций.
Умолкнет фальшь натужная фанфар,
Искусство бросит в пыль
искусственные лавры,
Но никогда не устареет жанр
Сияющей, как солнце,
чистой правды.

Последняя притча Исаии

Исаия 59:14

В городе стольном,
стерши колени
В мольбах напрасных перед толпой,
Нищенка Правда,
царица Вселенной,
В платье изодранном ходит с сумой.
Нет ей пристанища,
скудны подачки,
Ругань,
повсюду жулье и ворье,
Изгнанный Суд,
как последняя прачка,
Знатным особам моет белье.
Как-то,
когда с головою поникшею
Правда понуро к людям брела,
Черное слово бросили в нищенку
И надругались
средь белого дня.
В городе стольном
повозки и лошади,
Песни, потехи, чернь гомонит...
Нищенка Правда
преткнулась на площади,
Суд молчаливо плакал вдали.
Ровно злодейку,
ровно изменницу.

Душу невинную грязью облив,
Нищенку Правду,
как падшую женщину,
Поволокли каменьями бить.
Криво смеялись распутницы местные,
Колокол медный задорно гудел,
Плакали мудрые,
плакали честные,
Но заступиться никто не посмел.
Правду побили,
но видели зрячие,
Как, пощадив виновных людей,
Пальцы Проклятья,
жадно дрожащие,
Прочно вцепились
в души детей.
В городе стольном,
правда, не сразу
Умер беспечный смех детворы,
Гнили их души
в лютой проказе
Фальши и страха
с этой поры.
Гнили их души мучительно долго
И погибали в назначенный час,
Каялись матери,
плакали,
Только…
В городе стольном —
Это о нас.

***

Сын Божий плакал, сидя на осле
И глядя на величие Салима,
Боль тлела горьким пламенем в золе
Неумолимо и неисцелимо.
Казалось, все надежды сожжены,
Не принял мир Божественного света,
Его мечты, как Он обречены,
Осмеяны, во вретище одеты.
Он плакал о кривизнах наших душ,
Под спудом коих ложь неистребима,
О том, что мы за вожделенный куш
Продать способны близких и любимых,
Что льнем к нему не правды зачерпнуть —
Отведать хлеба, поглазеть на чудо,
Что каждый, хоть немножечко, но — плут,
Что каждый, хоть немного, но — Иуда.
А Он, Царь Правды, втиснув правду в плоть,
Мечтал, мечтал наивно и оплошно
Дракона лжи сразить и заколоть,
Но ложь рассыпалась и стала мелкой вошью...
Доколе зла кровавые персты
Куют в нас фальши звонкую монету,
Разбитые Всевышнего мечты
Бредут, как нищие паломники, по свету.

***

Непостижимые красоты
Слепому скучно созерцать,
И тщетна света благодать,
Когда в его глазах — пустоты,
Слепому не грозит ослепнуть
От ослепительных светил,
И Ты, Господь, нам всем простил,
Что мы предпочитаем слепнуть.
Отгородившись слепотой
От ближних, от Тебя, Владыка,
Мы ограничены и дики,
И вечно заняты собой.
Поскольку зрячий уязвимей
И больше у него забот,
Не всякий к Богу вопиет:
«Всевышний, сделай правду зримой,
Во имя Сына Твоего…
Мне нужно, в сущности, так мало —
Коснись и исцели провалы
В глазницах духа моего!».

Из цикла «Храм времени»

Первая суббота

Бесшумно с высокого неба,
Пронзив облаков фимиам,
Сошел на холмы Эдема
Субботы незримый храм.
Впервые в том храме священном,
Собой осенившем сад,
Господь улыбнулся Еве
У радужных райских врат.
И в зеркальце памяти зыбко
Ева несла сквозь века
Тот солнечный зайчик улыбки
У Господа на устах.
Едва ли мы помним в заботах,
Похитивших радость с лица,
Что все начиналось с субботы
И с тихой улыбки Творца.

***

Л.

Под шелест снега, ветра шум,
Под смену зим и весен
Ветшает сила, слабнет ум,
К нам всем приходит осень.
И увядает красота,
Но на земле убогой
Не умирает доброта,
Рожденная от Бога.
Обманчив пафос пылких клятв,
Рождающих надежды,
Прозреешь — и увидишь ад
Сквозь райские одежды.
Непрочна подлинность основ,
Но на земле убогой
Не умирает в нас любовь,
Рожденная от Бога.
Забвенье — рок великих дел,
Не верь в бессмертье славы,
Всех смертных ждет один удел —
Великих, сильных, слабых…
Но я пойму в последний час,
Что на земле убогой
Не умирает вера в нас,
Рожденная от Бога.

***

Наша жизнь — это зал ожиданья,
Неуют, непокой, неустрой,
Каждый миг — это с чем-то прощанье,
Каждый миг — это встреча с собой.
В шумном стиле вокзала — ошибки,
Объявленья надежд и утрат,
Здесь прозренья неверно и зыбко
Горьким дымом табачным стоят...
Я возьму в свой багаж человечность,
Я когда-нибудь все же пойму,
Что конечная станция — вечность
Ожидает меня наяву.
Я пребуду на станцию эту,
Где загадки уже ни к чему,
И найду наконец все ответы
На земные мои «почему».

***

Стену гордости моей разрушив,
Водопад Твоей любви
мне рухнул в душу,
Стало сердце озером чудес,
Отражающим красу небес.
Переполнив озеро собою,
Благодарность
хлынула рекою,
Слышишь, Отче, как моя река
Гулко бьется
в сердца берега?

Преображение

В тишину, словно в храм, облекусь,
Блики вечности взор обожгут,
Я душою в Твой мир окунусь,
Словно в чистый бездонный пруд.
Дай во мне чистоте расцвести,
Научи все приемлить без зла,
Все грехи мои мне отпусти,
Я на исповедь их принесла…
Я сожгу свою боль, свою грусть
На священном молитвы огне,
В тишину, словно в храм, облекусь,
И родится вечность во мне.

***

Мы живем
в мире точных знаний,
В мавзолее
скептических стуж,
Сверхнадежных самопознаний
Ни во что не верящих душ.
Но сдаемся судьбе
на поруки,
И касается тайна уст
В неподвластном строгой
науке
Неустойчивом мире чувств,
Где не временем
и не мерой,
За чертой
несказанных слов
Переходит надежда
в веру,
Переходит вера в любовь.

***

Е.

Когда порой венец терновый
Поймает в цепкие шипы,
И хлесткое чужое слово
Бичом ударит из толпы,
И пригвоздят к столбу позора
За все добро, что им творил,
А кляксы пошлости и вздора
Окажутся черней чернил, —
Винишь людей за то, что слепы,
Что так злорадны голоса,
Поднимешь взор к пустому небу,
И вот — отверзты небеса,
И чья-то длань с глубокой раной
Отрет слезу с твоих очей,
И вдруг почувствуешь, как странно
Пронзает душу сноп лучей,
Как унимается тревога,
Как боль становится легка,
И сердце зрит улыбку Бога
Сквозь грозовые облака.

***

Суббота —
душу наполнил мир —
Это самый любимый день.
Бури в сердце закат укротил,
В свет небесный меня одень,
Как ребенка,
на сильных руках
Унеси в безбрежную даль,
распростертую на веках,
К роднику вселенских начал...
Вот и снова вечер,
как жаль...

Новогодние сны

Заблудился в русских перелесках
Тихий свет рождественской луны,
Звездам под серебряные всплески
Снятся Вифлеемские холмы.
Зябнут тени на снегах холодных
У одетых инеем берез...
Яслям опустевших душ сегодня
Снится новорожденный Христос.
Видят мудрецы и прорицатели
Звезды путеводные во снах,
Ну, а детям руки Божьей матери
Будут сниться нынче в детдомах.
Спит погост торжественно за рощей,
Утонув в прозрачной полумгле,
Снится воскресение усопшим,
Снится вечный мир на всей земле.
Бродит по заснеженным полянам
Тихий свет рождественской луны,
Снятся сердцу притчи Назарянина,
Снятся Вифлеемские холмы.

***

Никогда не забудется детство:
Лай собачьих упряжек, пурга,
Домик с речкою по соседству,
На стене оленьи рога.
Вертолетов стрекозы над тундрою
И АН-27 дребезжащий разбег,
И чукотскую песню нетрудную
Сохраню я в сердце навек.
Улететь бы туда без оглядки,
Где в суровых снежных краях
Золотую рыбку Камчатки
Океан нежно держит в руках.

***

Моим учителям

Пусть солнце вас согреет,
Пусть счастье вас найдет,
Пусть боль не одолеет
И радость не уйдет,
Пусть доброта вам светит,
Сердца пусть не болят,
И выросшие дети
Пусть вас благословят!

Венок

С. Щ.

Я сплету венок для тебя
Из простых полевых цветов,
Из туманов грустных в полях,
Из негромких песен и слов,
Из заката горьких лучей,
Из прозрачно-чистой росы,
Из горячих темных ночей,
Из высокой гибкой лозы.
Я вплету в венок тот рассвет
И щемящий надрыв тоски,
Синих звезд таинственный свет
И июльских трав колоски.
Я сплету венок для тебя
Из горячих ласковых рук,
Из прозрачных звуков дождя,
Из нежданных встреч и разлук.
В тот венок вплету все года
И молчаний чистую высь,
Это будет стоить труда,
Но венком окажется жизнь...
Я сплету венок для тебя...

***

Улыбка — запечатанный конверт.
В нем спрятаны бессилье и усталость,
И то, что от наивности осталось,
А иногда — вопрос или ответ,
И оправданье или утвержденье,
Она порой, как новое рожденье,
А иногда, как приговор, как смерть,
Порой загадка или разрешенье,
В ней танец чувств, немое отраженье —
Прозрачная, но запертая дверь.

***

Последний взгляд, как горький луч,
Разлукой небо дышит снова,
Раскрытая ладонь аэродрома
Поднимет боль мою до самых туч.
Поднимет все, о чем я не сказала,
И унесет от глаз твоих и рук,
Последний взгляд, пронзительный как звук,
Перекрывает шум вокзала.
Ты будешь думать обо мне,
Я буду о тебе молиться…
Последний взгляд, как мука, длится,
Как мука, в долгом-долгом сне.

Суббота

I

Звон закатных лучей
возвестил мне Твой приход,
я встала и открыла двери
истосковавшейся души,
— Здравствуй!
Проходи, созидай и властвуй!
Можно я мыслью и сердцем
к Тебе припаду?
Ты обнял меня благодатью…
Как устали Твои запыленные ноги,
исходившие за неделю
столько дорог…
Ты устал, но я знаю, что Ты не мог
не прийти,
потому что я ждала.
Спасибо, Ты пришел, и вот я ожила…
Проходи.

II

Дай мне погладить
Твои усталые руки
и глубокие шрамы от гвоздей.
Погрустим
под заката набатные звуки…
Расскажи,
как дела у моих друзей?

Как Ты устал за эту неделю,
как изменился
и стал горше взгляд...
Ты стал старше на тысячи ушедших судеб,
поэтому Ты болью объят.
Ты был за неделю
миллион раз распят,
и стал старше на все эти распятья,
ты опять, как тогда, раскрывал объятья,
а они бросали камни в Тебя...
Ты стал старше
на сотни часов страданий,
помноженные на число больных на планете,
и такого места нет на свете,
куда бы не ступила Твоя нога.
Ты обошел берега,
усеянные мертвой рыбой,
и, незримый, сидел у рыбацкого костра,
где чинили они свои ветхие снасти,
пропахшие илом и тиной,
Ты смотрел на знакомую эту картину,
вспоминая, быть может,
Петра.
Ты ходил по волнам наших гибнущих рек,
измельчавших,
похожих на гнойные раны,
и пришел в обнищавшие
южные страны,
где приносят детей в жертву
богу войны.

Роковая приманка на кончике
грязной иглы
на глазах у тебя вновь калечила
детские души…
Как все страшно,
как страшно,
и лучше не слушать,
но я хочу знать, чем Ты жил,
от чего Ты страдал,
за кого и за что опять умирал,
я хочу знать о Тебе все
с момента последней встречи,
потому что Ты для меня — все.

III

Уже поздно,
но не хочется спать,
Я хочу, чтобы Ты рассказал
о Своей жизни здесь,
когда Ты стал человеком.
Расскажи мне о тех,
кто любил Тебя,
расскажи о маме Твоей,
о Твоей семье,
о любви воскресшей Магдалины.
Покажи между строк в священной Книге
этот удивительный рассказ,
прочти мне его еще раз,
Спасибо!

IV

Ты хочешь спросить меня?
Да, я еще больна,
Но мне уже немножечко лучше,
Приложи к сердцу Твои исцеляющие руки.
Всю неделю буду помнить Твой взгляд.
Когда мне станет худо,
в горячем бессонном бреду
буду звать Тебя.
— Я приду.

V

Вот и снова закат!
Прощай,
дай еще раз припасть
К Твоему плечу.
Ты так тревожно смотришь на меня,
да, я еще не готова
расстаться с болью,
прости меня.
Буду очень тосковать
и ждать,
буду в мыслях
всегда с Тобой.
Спасибо, что Ты один
не порицаешь грешной моей души
и прощаешь то,
чего я себе простить не могу...
Возвращайся скорее,
я жду!

***

Под танец трепетный свечей,
Сквозь бой часов,
Под шелест праздничных речей
И праздных слов,
Сквозь иней тающих надежд
И хруст невзгод
За вечный прошлого рубеж
Уходит год.
Снежинки тающих минут
Летят в ночи,
Озябшим взглядом я прильну
К огню свечи,
Пусть грусть прозрачна и светла,
Как хрупкий лед,
Она растает от тепла...
Уходит год.
Под танец трепетный свечей,
Сквозь бой часов,
Сквозь шелест праздничных речей
И праздных слов,
Сквозь шепот елочных огней,
Сквозь пенье звезд
Не мудрецы спешат ко мне,
А сам Христос...

Хризантемы

Ю. Д.

А знаешь, это больше, чем цветы,
В них тихо спит потраченное время,
Твое тепло, осенней грусти бремя
И горький привкус поздней красоты.
В их запахе дыханье высоты,
Задумчивость тоскующих просторов
И стук колес усталых, под который
За этими цветами ехал ты.
В них свежесть снега, близкого уже,
Непредсказуемость того, что будет с нами,
И невозможность выразить словами
Все то, что каждый чувствует в душе.

***

Сердце в скорлупе, в коре шершавой,
Мы с тобой срослись, как два ствола.
Пусть вокруг надежд сухие травы
Непогода снегом замела,
Пусть в листве словес, в накидке рваной
Не спастись от стужи ноября,
Твои скорби, горести и раны
Проникают болью сквозь меня.
Нам от этого немножечко теплее
И светлей ночей осенних мгла —
Сквозь туман белеют на аллее
Два влюбленно сросшихся ствола.

Мера

«Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?»

Матфей 5:46

В развалинах забытых городов
И на пути грядущих поколений
Лежит любовь, как камень преткновений,
Как суть падений, взлетов и трудов.
О ней поет веков немая глушь,
В основе всех пророчеств и преданий
Лежит любовь, как камень испытаний
Умов, сердец и наших бренных душ.
Когда остынут слезы, боль и смех,
Оставившим юдоль земной отчизны
Зачтется либо в правду, либо в грех
Любовь как мера истины и жизни.

***

Пусть порой светло, порою мрачно,
Шрамы, неудачи, осложненья,
Я хочу беречь неоднозначность
Многоточий в наших отношеньях.
Я хочу беречь неоткровенность,
Сдержанности всю непростоту
И былого неприкосновенность,
И переживаний остроту.
Я ценю, как в жизни ценят лучшее,
Обреченность верить и любить,
И благословенно-злополучную
Невозможность друг без друга жить.

Ева

Бог создал хрупкий женский стан
Звучать немым очарованьем,
И жизнь наполнить содержаньем,
Которого искал Адам.
В ее душе Господь зажег
Волшебной нежности лучину,
Чтоб вдохновлять на жизнь мужчину,
Который был так одинок.
В ней Автор трепетную мысль
Увековечил воплощеньем,
Поскольку только в отношеньях
Жизнь обретает полный смысл.

(Хор ангелов. Отрывок из поэмы «Сказание о древнем змие»)

Не уходи от нас, суббота,
В лампадах, свет, не угасай,
Нас от самих себя спасай
И от безрадостной заботы...
В лампадах, свет, не угасай.
Не уходи, суббота-милость,
Продли сиянье Божьих вежд,
Неумирающих надежд
Звезда над миром засветилась,
Продли сиянье Божьих вежд.
Не уходи, покой и радость,
Не уступай бездонной тьме,
Над самой пропастью во мгле
Всем обреченным Божью благость
Яви, не уступая тьме.
Не уходи, невеста-вечность,
Дай нам еще последний миг,
Вглядевшись в дивный Божий лик,
Преодолеть неверья грешность.
Дай нам еще последний миг.

Из цикла «Преодоление»

***

Маме

Самое несложное — порвать,
Самое простое — погубить,
Самое нелегкое — понять,
Самое тяжелое — любить.
Самое ужасное — пройти,
Самое преступное — не внять,
Самое отрадное — найти,
Самое великое — поднять.

***

Есть в каждом сердце Вифлеем и Канна, —
Быть может, их на карте мира нет, —
Есть в каждом сердце шумный Назарет,
Пророков побивающий камнями.
У каждого из нас своя пустыня,
Где ты был слаб и был настолько слеп,
Что черствый камень принимал за хлеб
И шел за обещаньями пустыми.
В любом из нас лежит Иерусалим
Понятий, предрассудков и суждений,
И самых вопиющих заблуждений,
С которыми расстаться не хотим.
Есть Гефсимания на карте наших жизней,
И на Голгофу тоже всходит каждый,
Отдать себя во власть жестокой стражи
Или распять кого-нибудь из ближних.

Молитва

Не хочу больше внутренней мертвости,
И поскольку всесилен Ты,
Отними мою душу у черствости,
Исцели от глухой слепоты.
Я не вижу огромной важности
И бесценности кратких минут,
Отними мою душу у праздности,
Не позволь ей меня обмануть.
Попрошу с неотступной твердостью,
Ради вечной твоей любви,
Отними мою душу у гордости,
Растворенной в моей крови.
Жизнь так мало во мне оставила
Доброты и тепла для людей,
Отними мою душу у дьявола,
Ради страшной жертвы твоей.

Ковчег Завета

Мой Господь, велик потоп страданий,
Непомерны горечь, боль и страх,
Но ковчег Твоих обетований
Для меня — прибежище в скорбях.
Мутный Нил тревоги и печали
Не погубит радости моей,
Спит в ковчеге Новое Начало,
Как в корзине зыбкой Моисей.
Безысходна даль земной пустыни,
Но и в этом царствии невзгод
Во Святом святых надежды-скинии
Милость Божья трепетно живет.
Там в ковчеге светлых озарений
Долгие столетья напролет
Откровенья ждут прикосновений,
Только веры в нас недостает.
Эта правда сказочнее сказок,
Стоит только с верой взор поднять —
Спектром самых свежих чистых красок
Над душою вспыхнет благодать.

(Отрывок из поэмы «Звезда Магдалины»)

Кровавые слезы заката омыли
Осколки надежды на узком пути,
Последние, самые трудные мили
Еще остается по жизни пройти.
Как трудно идти по тропе над обрывом,
Смиряться и верить, прощать и любить,
Быть выше желанья стать просто счастливой,
Быть выше желанья любимою быть...
Закат вышивает малиновой гладью
Завесу, к которой всем должно прийти,
Я праздную, словно счастливую свадьбу,
Грядущую скоро кончину пути.

Сквозь тернии к звездам

На прозрачном хрустальном море,
Отражающем Божий свет,
Будем петь о минувшем горе
И о том, что не стало бед.
Сам Господь отрет твои слезы
И следы тревог на лице —
Все шипы обратятся в звезды
На небесном твоем венце.
И, следя за хрустальной волною
Слез, что Бог о тебе пролил,
Ты поймешь, сколь высокой ценою
Он все боли твои ценил.
Пусть безмолвны хрустальные всхлипы
В этом море застывших слез —
Каждый знает рыданий хрипы
И уколы шипов среди роз.
Но шипы обратятся в звезды,
И в алмазы — капельки слез
На венце, что в краю бесслезном
Обещает нам дать Христос.

***

Разбей безысходность верой,
отчаянье — молитвой...
Небо дает не мерой
силы в бурях и битвах.
Пусть не найти ответа
и не видать дороги —
Из всех тупиков на свете
есть выход к престолу Бога!

Щеглова Н.
На том берегу времен

Ответственный редактор **А. В. Лысаков**
Технический редактор **А. И. Сущенко**
Дизайнер обложки **Л. А. Носова**
Корректор **Н. М. Лукьянова**

Подписано в печать 06.07.2010.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Academy. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 4,57. Тираж 3 000. Изд № К-509. Заказ № 4023.

Издательство «Источник жизни»
301000 Тульская обл., п. Заокский, ул. Восточная, 9
Тел. (48734) 2-01-01, 2-01-02
Факс (48734) 2-01-00
Телефон горячей линии: 8-800-200-00-62 (Звонок из России бесплатный)
E-mail: solph@lifesource.ru
Книга-почтой: books@lifesource.ru
www.7knig.org; www.lifesource.ru;
www.christa-shop.eu (для жителей Западной Европы)

Типография издательства «Источник жизни»

НАТАЛЬЯ **ЩЕГЛОВА**

Автор этой книги – поэт, писатель, магистр гуманитарных наук – преподает богословие и древние языки в Заокской духовной академии.
Впервые сборник стихов «На том берегу времен» был опубликован в 1995 году, а «Песочные часы» – в 2002-м.
В настоящее время издательство «Источник жизни» осуществило второе издание этих поэтических сборников, а также выпустило книгу «Потерянная драхма радости», куда вошли притчи и сказки для детей и взрослых.

В **РАЗВАЛИНАХ**
забытых городов
и на пути грядущих поколений
лежит **ЛЮБОВЬ**, как
КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЙ,
как **СУТЬ** падений, взлетов и трудов.

о ней поет веков **НЕМАЯ ГЛУШЬ**,
в основе всех пророчеств и преданий
лежит **ЛЮБОВЬ**, как КАМЕНЬ **ИСПЫТАНИЙ**
умов, сердец и наших бренных душ.

когда **ОСТЫНУТ СЛЕЗЫ**, боль и смех,
оставившим юдоль земной отчизны
ЗАЧТЕТСЯ либо в правду,
либо в грех
любовь как мера
ИСТИНЫ И ЖИЗНИ.

НА ТОМ БЕРЕГУ ВРЕМЕН | НАТАЛЬЯ **ЩЕГЛОВА**